

Дочь пирата

Автор:

Гэлен Фоули

Дочь пирата

Гэлен Фоули

Восхождение #2Очарование (АСТ)

Когда-то Дариус Сантьяго был нищим уличным мальчишкой, теперь же он – глава секретной службы маленького островного средиземноморского королевства, благородный дворянин и кумир придворных красавиц. Однако сердце его принадлежит лишь одной женщине – юной принцессе Серафине.

Серафина разделяет чувства Дариуса. Но как же быть? Ведь скоро состоится ее свадьба с князем из царствующего дома Российской империи – единственной державы, способной помешать Наполеону захватить ее маленькую родину.

И тогда Дариус, готовый на все, чтобы спасти любимую от ненавистного замужества, придумывает почти безумный по дерзости план – план, который может стоить ему жизни...

Гэлен Фоули

Дочь пирата

Gaelen Foley

Princess

© Gaelen Foley, 1999

© Перевод. Е. Левина, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Эта книга посвящается самым верным и преданным моим подругам: сестрам Шейне, Элизабет и Джейнин.

Особую благодарность приношу моей маме, чей опыт многолетней работы с жертвами семейного насилия очень помог мне понять, какие страшные шрамы оставляют в душе подобные трагедии, и дал надежду на их исцеление, потому что именно это чувство пробуждают в нас те отважные люди, которые сумели справиться с подобной бедой.

Она жемчужина,

Чья стоимость превыше

Цены за сотни новых кораблей,

И заставляет торговаться, как купцов,

Венчанных королей.

Шекспир

Он ищет славы, я – любви.

Шекспир

Глава 1

Май 1805 года

Ее прерывистое частое дыхание, казалось, заполняло узкий промежуток между кустами букса, образующими стенки садового лабиринта. Заросли словно смыкались вокруг нее и над ней. Кровь стучала в висках с такой силой, что она не сомневалась: преследователи не могут этого не слышать. Непрестанно оглядываясь, она чуть продвинулась вперед по узкому проходу, неслышно ступая босыми ногами по сочной прохладной траве. Она дрожала. Грудь бурно вздымалась, пальцы кровоточили. Возможно, она сломала их, когда ударила кулаком Филиппа в его издевательски ухмыляющуюся физиономию и рассекла ему кожу острыми гранями огромного бриллианта своего кольца. По крайней мере ей удалось высвободиться из его железной хватки и кинуться в лабиринт, где она надеялась скрыться от Филиппа и его слуг. Она не смела звать на помощь, потому что услышать ее могли только эти трое.

Заметив движение слева, за густыми ветвями живой изгороди, она быстро повернула голову. Он был там, совсем рядом. К горлу подступила едкая кислота выпитого ранее розового вина.

Она видела его силуэт, просвечивающий сквозь листву. Высокий, щегольски одетый мужчина. Различив пистолет в вытянутой руке, она тотчас поняла, что он наверняка разглядел за ветками светлый шелк ее платья. Пригнувшись ниже, она бесшумно скользнула прочь.

– Не бойтесь, ваше высочество, – донесся до нее через несколько рядов букса медоточивый голос Анри. – Мы не причиним вам вреда. Выходите, не прячьтесь. Вы все равно ничего не сможете сделать.

Они разделились, пытаясь окружить ее. Она подавила рыдание, размышляя, в какую сторону податься. Слыша плеск воды в фонтане, что находился в крохотном дворике – центре лабиринта, она устремилась к нему. Добравшись до поворота, она вжалась спиной в колючие ветки, дрожа от страха и не решаясь заглянуть за угол. Застыв на месте, она молила Бога послать ей мужество. Она не понимала, чего они хотят...

Много раз к ней обращались с завуалированными, фривольными предложениями разодетые придворные повесы, хищники дворца, но никогда никто не пытался похитить ее. Никто никогда не наставлял на нее пистолет!

«Они всё ближе!»

– Ваше высочество, вам нечего бояться! Мы ваши друзья.

Она рванулась вперед, длинные черные волосы, как знамя, струились по ветру у нее за спиной. Прогремели раскаты грома, в воздухе запахло летней грозой. В конце дорожки она снова замерла, не решаясь повернуть за угол. Она боялась, что там Филипп или этот белокурый Анри поджидает ее. Невольно ей вспомнились слова бывшей гувернантки, которая вечно твердила, что если она не избавится от сумасбродства и бесстрашия, с ней обязательно случится что-нибудь ужасное.

«Я в ловушке. Отсюда нет выхода». И вдруг до нее донесся еще один звук, еле слышный шепот, призрачный голос:

– Принцесса!

Она чуть не заплакала навзрыд, всем сердцем желая поверить, что это явь, а не игра затуманенного ужасом мозга. Только один человек звал ее так, произнеся на испанский манер итальянский титул «принчипесса».

Никогда не нуждалась она в нем столь отчаянно, как в эту минуту.

Жестокосердный красавец Сантьяго.

Только он мог спасти ее от кошмара этой смертельной игры, но Сантьяго был далеко, исполнял очередное поручение короля, собирая сведения и охраняя их посла в Москве, где именно теперь создавался новый альянс против Наполеона.

Конечно, Дариус Сантьяго – надменный и наглый безбожник, но он не ведал страха, и она знала: для него нет невозможного. Она не видела Сантьяго почти год, но образ этого красавца, его горящие черные глаза, надменная ухмылка преследовали ее, затаившись в отдаленных уголках души. Казалось, Дариус

каким-то непостижимым образом следил за ней сквозь бесконечные мили разделявшего их пространства.

– Я начинаю уставать от этой погони, *ma belle*[1 - Моя красавица (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.], – предостерегающе проговорил Анри, и она заметила движение за несколько рядов от себя, разглядела взъерошенную белокурую голову. Француз остановился и прислушался.

Широко распахнув испуганные глаза, прижав ладони к губам, чтобы приглушить громкое дыхание, Серафина осторожно попятилась. Когда что-то потянуло ее за волосы, она едва не вскрикнула, но, круто обернувшись, поняла, что это длинная прядь волос зацепилась за ветку.

– Принцесса!

На этот раз Серафина не сомневалась, что действительно услышала этот голос! Застыв на месте, она обвела тревожным взглядом кусты.

Неужели Сантьяго почувствовал, что она в опасности? Неужели связь между ними все еще столь сильна?

– Пробирайтесь в центральный дворик, – донесся до принцессы из мрака повелительный шепот.

– О боже! – выдохнула она. Он здесь! Он приехал! Дариус Сантьяго был доверенным лицом короля, а к тому же его главным, самым ловким шпионом и умелым убийцей. Он был беспредельно предан ее отцу. Если возникала необходимость совершить какое-то темное деяние во благо и для безопасности королевства и королевской семьи, правящей этим маленьким итальянским островом Вознесения, королевством Асенсьон, Дариус был тут как тут и выполнял свой долг. Его нежданное появление заставило Серафину осознать, что за попыткой Филиппа похитить ее стоит нечто большее, чем могло показаться с первого взгляда.

Серафина бессильно уронила руки, ожидая дальнейших распоряжений Дариуса.

– Идите к дворнику, ваше высочество. Поспешите.

- Где вы? – трепеща, выдохнула она. – Помогите мне.

- Я рядом, но не могу добраться до вас.

- Пожалуйста, помогите мне!

- Ш-ш, – прошептал он. – Идите к внутреннему дворику.

- Я заблудилась, Дариус, и не знаю, куда идти.

- Сохраняйте спокойствие, не трусьте, – тихо прошептал он. – Два поворота направо. Вы почти рядом с центром. Я встречу вас там.

- Х-хорошо, – захлебнулась слезами принцесса.

- Идите!

Совладав с неопишуемым страхом, Серафина стала пробираться к крохотному, вымощенному кирпичом дворику. Ободранная коленка отчаянно саднила после того, как Серафина поскользнулась на траве. Платье тончайшего шелка цвета тумана было разорвано почти до бедра. Каждое движение давалось с трудом. Серафину била дрожь. Тем не менее она медленно, но верно приближалась к фонтану, к звуку воды, разбивающейся о камень его резной чаши.

Серафина мысленно повторяла: «Дариус, Дариус, Дариус», – словно этим надеялась удержать его при себе... Подойдя к первому повороту, она собралась с духом и заглянула за угол...

Никого. Всё в порядке.

Серафина двинулась дальше уже увереннее. А в голове мелькали, сменяя друг друга, картины детства, когда Дариус постоянно присматривал за ней, успокаивал взглядом и словом. Суровый любимый рыцарь, всегда защищающий ее. Однако когда она выросла, все изменилось.

«Дариус, не дай им добраться до меня!»

Впереди, слева, принцесса увидела проем в живой изгороди, там, где ее пересекала другая дорожка. Серафина на миг закрыла глаза, прочитала короткую молитву и метнулась мимо проема, бросив взгляд на открывшуюся дорожку. В двадцати футах от перекрестка на земле неподвижно распластался ничком кучер Филиппа. В лунном свете блеснула проволока у него на шее. К горлу Серафины подступила тошнота, когда она догадалась, что он задушен. Здесь прошел Дариус.

Принцесса проскользнула дальше и заглянула за угол.

Пусто!

В дальнем конце зеленого коридора уже виднелся обетованный дворик. Она почти добралась. Теперь оставалось миновать еще один разрыв в кустах на середине пути.

Принцесса повернула за угол и побежала.

Босые ноги быстро несли ее по шелковистой траве, бурное дыхание вырывалось изо рта. Скоро наступит критический момент: впереди открывался вход в центральный дворик лабиринта. Порыв ветра бросил в лицо Серафине пригоршню брызг. Облако набежало на золотистый месяц.

– Вернись, маленькая сучка! – проревел густой бас.

Серафина вскрикнула и оглянулась. Из-за угла позади нее показался Филипп.

Со всех ног она бросилась вперед, но, когда пробежала брешь в кустах, из аллеики выскочил Анри и схватил ее в охапку. Она закричала. Филипп быстро приближался. И тут тихо, как смерть, от тени отделился Дариус и волчьим прыжком атаковал ее противника.

Анри выпустил принцессу, закричал, пытаясь отбить нападение. Она рванулась прочь, услышала треск рвущегося шелка и сломя голову кинулась вперед. Серафина побежала к дворику, буквально влетела в узкий проем входа и бросилась в дальний угол.

Укрывшись в тени, Серафина молилась, чтобы Филипп пришел на помощь другу, а не устремился за ней, но не успела она договорить свою молитву до конца, как в проеме кустов показалась фигура француза.

Окинув взглядом крохотное пространство, он сразу заметил Серафину. Зловещая ухмылка исказила его красивое лицо. Широкими шагами Филипп направился к ней, грубо повернул девушку спиной к себе и приставил к горлу нож как раз в тот миг, когда во дворик вбежал Дариус.

Она прорыдала его имя.

Филипп грубо встряхнул Серафину:

– Заткнись!

Дариус замер на месте и затаил дыхание, обдумывая дальнейшие действия. Жгучий взор его черных глаз пронзал ночной мрак, словно адский огонь. Молния сверкнула над ним, на мгновение осветив с ослепительной яркостью его экзотическую красоту... И вновь все погрузилось во мрак.

Серафина, вцепившись руками в пережимавший ей горло стальной локоть, устремила на Дариуса полный веры взгляд.

– Посторонись, Сантьяго! – угрожающе прорычал Филипп. – Посмеешь приблизиться – и она умрет.

– Не будь ослом, Сен-Лоран. Мы оба знаем, что он не хочет причинять ей вреда. – В голосе Дариуса звучало холодное презрение, но поза была непринужденной. Казалось, залитая лунным светом его поджарая и широкоплечая гибкая фигура источала опасность. Одетый во все черное, он двигался с изысканной грацией хищника.

В черных как ночь глазах, прикрытых тяжелыми веками, таилась страсть. Над высоким лбом вилась грива блестящих, темных, как вороново крыло, кудрей. Словно высеченные из камня высокие скулы и орлиный нос дисгармонировали с чувственными полными губами, скульптурный изгиб которых нарушал горький полумесяц небольшого шрама.

Серафина не могла оторвать от Дариуса замороженных глаз, но он даже не смотрел на нее. Взгляд его пронзал Филиппа, а на губах играла усмешка.

– Я-то думал, что ты профессионал, Сен-Лоран, – проговорил Дариус тихим певучим голосом с легким испанским акцентом. – Так-то ты делаешь дела? Приставляешь нож к горлу юной девушки? Удивительно, как ваш народ терпит это? Служить человеку без чести и совести?..

– Я пришел сюда, Сантьяго, не для того, чтобы беседовать с тобой о морали, – злобно отрезал Филипп, державшийся столь же напряженно, сколь Дариус спокойно и непринужденно. – Я ухожу, и она отправится со мной.

– Если ты полагаешь, что я дам тебе уйти, то очень заблуждаешься.

– Я зарежу ее! – бросил Филипп.

Дариус ответил холодной улыбкой:

– Твоему хозяину это не понравится.

Тишина накалилась, молчание стало тягостным и устрашающим. Мужчины сверлили друг друга взглядами, готовые убить и ждущие лишь первого движения противника... Серафина не могла дольше выдержать этого.

– Пожалуйста, – прохрипела она, – отпусти меня!

При звуке ее голоса угольно-черные глаза Дариуса обратились к ней. В одно мгновение она прочитала в них то, что скрывалось под его ледяным самообладанием: ярость, отчаяние... и что-то еще, более сильное...

Филипп также заметил невольное прорвавшееся чувство.

– Что я вижу! – издевательски рассмеялся он. – Неужели я случайно обнаружил слабость? Так, значит, и у великого Сантьяго есть ахиллесова пята?

Точеное лицо Дариуса окаменело. Черные глаза сузились, полуприкрытые длинными ресницами, и усталились на Филиппа, пронзая блеском ночной мрак.

– А-а, разумеется, – продолжал Филипп, забыв об опасности. – Помнится, кто-то говорил мне, что ты был телохранителем Серафины, когда она была совсем крошкой.

– Опустит оружие, – угрожающим шепотом потребовал Дариус.

– Прочь с дороги!

– Отпусти принцессу! Твой единственный выход – сдаться. Люди твои мертвы, и ты прекрасно знаешь, что нужен мне живым.

– Хм, Сантьяго свирепеет, – насмешливо заметил Филипп. – Он, видимо, очень привязан к тебе, моя дорогая.

Эти слова ранили Серафину больше, чем все остальное.

– Ты делаешь хуже для себя, Сен-Лоран. Я вспомню, как ты дразнил меня, когда позже мы поговорим с тобой о твоих сообщниках и о данных тебе приказах.

– Ах, Сантьяго, мне никто не дает приказов. У меня нет выхода. Я не могу явиться с пустыми руками, так что ты от меня ничего не узнаешь.

Дариус двинулся к Филиппу медленным крадущимся шагом.

– Стой на месте! – Он замер и повторил мягко: – Отойди от принцессы.

Серафина вновь и вновь повторяла про себя молитву. Прижатая к Филиппу, она ощущала частый стук его сердца. Серафина чувствовала, как в нем нарастает тревога, как Филипп судорожно ищет выхода, возможности бежать. Искоса посмотрев на нож, прижатый к ее горлу, она зажмурилась и еще отчаяннее воззвала к Богу.

– Скажи мне, Сантьяго... как один наемник другому, – внезапно начал Филипп. – Теперь, когда твоя маленькая подопечная выросла, ты не заглядываешься на нее? Кое-кто утверждает, что она самая красивая женщина на свете... по крайней мере одна из трех самых красивых. Мой патрон убежден в этом. Он

называет ее Еленой Троянской. Мужчины затевают войны, чтобы овладеть такой красавицей. Может, посмотрим?

Серафина вздрогнула, когда Филипп ухватил ее за платье там, где оно уже было надорвано в схватке с Анри, и молниеносным движением рванул вниз. Она ахнула от ужаса.

- Ну-ну, *ma belle*, - проворковал Филипп. - Не волнуйся.

Серафина сжалась от ужаса. Всхлипнув, она замолчала. Опустив голову, бессильная помешать грубой руке, Серафина застыла, а Филипп стащил оборванные концы лифа вниз, обнажив ее до талии.

«Этого не может быть!», - отчаянно думала она. Щеки ее вспыхнули от стыда, она закусил губу, чтобы подавить слезы гнева, перекинула волосы вперед, надеясь прикрыть грудь, но Филипп помешал ей.

- Non, non, *cherie* [2 - Нет, нет, дорогая (фр.)]. Позволь нам посмотреть, какую красоту изваял Господь. -левой рукой он отвел локоны Серафины за спину.

- Ублюдок! - бросил Дариус.

У нее не было сил поднять голову и встретиться с ним взглядом.

Опустив руки вдоль тела, она стояла, содрогаясь от унижения и ярости, выставленная на обозрение перед единственным мужчиной, которого когда-либо желала. Перед единственным, кто не желал ее.

Еще недавно Серафина любила Дариуса Сантьяго со всем пылом мучительной девичьей страсти. Принцесса попыталась выказать Дариусу свои чувства три года назад, в ночь своего первого бала. Доказать ему, что она наконец выросла и больше уже не ребенок.

Серафина убеждала Дариуса, что ни одна женщина не будет любить его так, как она. Но он сбегал от нее, покинул остров, поспешил прочь - исполнять какую-то новую важную миссию. А теперь именно Дариус стал свидетелем унижения Серафины, был вынужден созерцать ее тело, которое она тщетно желала

принести ему в дар...

В этот момент очередная туча разразилась холодным дождем. Принцесса вздрогнула и поморщилась, когда первые капли обожгли ее обнаженную кожу.

Филипп издевательски рассмеялся.

– Экая ты надменная штучка! Понимаешь ведь наверняка, как ты хороша. А? – пробормотал он, проведя кончиком пальца по изгибу ее плеча и вниз по предплечью. – Кожа словно шелк. Подойди, Сантьяго, пощупай. Она прелестна. Я тебя не виню... Любой проявил бы слабость к такому созданию. Если хочешь, поделим ее на двоих.

При этих словах взгляд потрясенной девушки невольно метнулся к Дариусу, и тут же ужас пронзил ее: Сантьяго не мог отвести глаз от ее груди, пожирал ее, нагую, голодным взглядом.

– Дариус! – взмолилась принцесса.

Пальцы Филиппа возбужденно сжали рукоятку кинжала, но голос его прозвучал ровно и с легким торжеством:

– Подойди, попробуй ее. Никто не узнает. После всего совершенного тобой ради твоего короля разве ты не заслужил хотя бы ее?

Наконец Дариус оторвал взгляд от Серафины, и его зубы ярко блеснули в холодной язвительной усмешке. Он медленно направился к ним. Обращенный к Филиппу вопрос поразил ее:

– Что ты предлагаешь?

Она захлебнулась страхом. В голове вихрем пронеслись картины последней встречи с Дариусом, шесть месяцев назад. Как обычно, он не замечал Серафину с момента возвращения во дворец, но в тот раз, около полудня, случайно открыв дверь в музыкальную комнату, она застала Дариуса с одной из его многочисленных любовниц. Прижав девушку к стене, он, стоя, бурно овладевал ею. Распахнутая белая рубашка свободно свисала с плеч, обнажая широкую

загорелую грудь, черные облегающие штаны соскальзывали с бедер под руками полунагой женщины, спешившей его раздеть. Когда Серафина распахнула дверь, Дариус оглянулся, и на миг их взгляды встретились.

Принцесса до сих пор помнила обжигающую страсть этого взора, когда она, ошеломленная, застыла в дверях. Ей не забыть насмешливо-обольстительную улыбку, которой Дариус одарил ее, прежде чем она захлопнула дверь и в панике бросилась прочь. Точно такая же улыбка блуждала и сейчас на его губах.

- Я подержу ее для тебя, - отвечал Филипп.

- О, со мной она драться не станет, - возразил Дариус. - Не так ли, ангел мой?

Щеки ее вспыхнули огнем, и она опустила голову. Серафина с ужасом видела, как хищно он приближается.

Она твердила себе, что это часть его плана... что она наследница трона!.. что Дариус никогда!.. Никогда!..

Неумолимо медленными шагами он приблизился к ним и остановился в двух-трех дюймах от нее. Так близко, что почти коснулся грудью ее сосков. Она ощутила его дыхание.

Зажатая между двумя высокими безжалостными мужчинами, Серафина часто и прерывисто дышала, по обнаженной коже пробегали волнами то жар, то холод. Еще мгновение, и Дариус дотронется до нее. Когда принцесса осознала это, горячий румянец залил ей щеки: к страху примешалось неуместное желание близости, и Серафина съежилась от стыда. Обычно она была очень находчива, но в эту минуту лишилась дара речи и растерянно уставилась на серебряную пуговицу сюртука Дариуса, находившуюся на уровне ее глаз.

Серафина не могла придумать ни единого слова, ни одной фразы, которая могла бы спасти ее. Она была не в силах выговорить имя отца или жениха... более того. Даже вспомнить лицо Анатоля. Ужас изгнал из памяти все, оставив лишь пустоту в душе. Только Дариус завладел ее чувствами... первобытный... свирепый.

Дариус схватил Филиппа за горло и вырвал у него Серафину. Блеснуло лезвие кинжала Филиппа, но Дариус увернулся, сжал правое запястье противника и вздернул его вверх. Серафина споткнулась, упала на четвереньки, откатилась к краю дворика, но тут же поднялась и судорожно дрожащими руками натянула на себя обрывки одежды. Она хотела убедиться, что Дариус не пострадал, но фонтан заслонял его.

Металл лязгнул о камень. Филипп выругался: его оружие покатилося по плитам дворика. Он рванулся за ним, но Дариус оттолкнул кинжал носком сапога и схватил недруга. Извернувшись, тот вырвался и бросился наутек.

Дариус накинулся на него, ухватил за воротник, швырнул вниз, на камни, и встал между ним и выходом.

Объятая ужасом, Серафина не могла отвести глаз от этой сцены. Металл рассек воздух, и она увидела, как тонкий кинжал Дариуса с рукояткой из слоновой кости сверкнул в лунном свете.

«О боже!»

Филипп вскинул руки, отражая первый удар, и лезвие кинжала Дариуса рассекло поперек обе подставленные ладони.

Серафина отвернулась, но слышала каждый звук борьбы, каждый вздох, каждое проклятие Филиппа, когда Дариус полосовал его в жестокой схватке.

Девушке хотелось убежать, но она лишь зажмурилась. Затем, когда Дариус выругался на незнакомом ей языке, она открыла глаза и увидела, как он обеими руками поднимает кинжал для последнего удара. Его прекрасное лицо исказило свирепое торжество.

«Не надо!»

Серафина снова зажмурилась, потому что кинжал метнулся вниз. Филипп коротко вскрикнул – и воцарилась тишина.

Затем принцесса услышала, как зашелестели под бризом ветки можжевельника, до нее донеслось частое мужское дыхание... Ее затошнило.

Дариус, казавшийся черным демоническим силуэтом на фоне ночи, откинул со лба волосы и вырвал кинжал из груди Филиппа.

Прижимая к себе обрывки лифа, она наблюдала за ним безумным взглядом и осторожно пятилась вдоль кустов, образующих стены дворика. Дариус заслонял собой единственный выход, но Серафина готова была, если придется, пробиваться сквозь живую изгородь.

Встав над телом Филиппа, Дариус вынул из кармана сюртука носовой платок, блеснувший во мраке ночи жемчужной белизной. Вытерев окровавленные руки, он пнул мертвое тело в бок.

Серафина тихо вскрикнула, потрясенная его свирепостью.

Дариус оглянулся и теперь смотрел на принцессу сурово и беспощадно, словно только что вспомнил о ней.

- Что ты делаешь? - Голос его был поразительно спокоен.

Под пронзительным взглядом Дариуса она замерла.

- Господи! - пробормотал он, закрыв глаза. Серафина молчала, прижимая к себе обрывки лифа.

Покрывшись от страха испариной, она мысленно прикидывала, сумеет ли пробежать мимо него к выходу.

Дариус глубоко вздохнул, покачал головой, подошел к фонтану и плеснул в лицо холодной водой. Потом направился к ней, на ходу стаскивая с себя черный сюртук.

Она отшатнулась от него, вжимаясь в кусты.

Он молча протянул ей сюртук.

Серафина не смела шевельнуться, чтобы взять одежду, боялась оторвать взгляд от знакомой с детства фигуры.

В эту ночь Дариус не моргнув глазом убил трех человек; и среди бела дня делал непристойные вещи с женщиной; он смотрел на ее грудь... и было еще кое-что. Гораздо более важное. Восемь лет назад принцесса была окроплена... помечена его кровью.

Это случилось в день ее двенадцатилетия на городской площади, когда кто-то пытался убить короля. Она стояла, радуясь своему празднику, улыбалась, держась за руку отца, когда на него напал убийца. И Сантьяго, этот прекрасный безумец, как решила тогда Серафина, вдруг рванулся навстречу пуле, и его алая кровь обрызгала ей щеку и новое белое платье.

С того дня в каком-то затаенном уголке ее души родилась мысль, что она принадлежит этому человеку.

Но более всего ее пугало то, что Сантьяго знает об этом.

Дариус вновь предложил ей сюртук:

– Возьмите, принцесса. Я помогу. – Он подал ей сюртук, и Серафина позволила ему одеть себя... как ребенка.

– Я подумала... – начала было она, но прикусила губу.

– Я знаю, что вы подумали. – Голос Дариуса звучал тихо и яростно. – Я никогда не причиню вам вреда.

Их взгляды схлестнулись... настороженные и внимательные.

Серафина опустила глаза первой, удивляясь своей непривычной кротости.

– Разве... разве Филипп не нужен был вам живым?

– Ну, раз уж он теперь мертв, – с досадой проговорил он, – как-нибудь обойдусь...

– Спасибо, – дрожащим голосом прошептала Серафина.

Пожав плечами, Дариус отошел к фонтану.

Теперь, когда она поняла, что опасность миновала, силы оставили ее. Слезы хлынули из глаз, и она опустилась наземь. Поплотнее завернувшись в сюртук, Серафина уперлась локтями в колени, обхватила руками голову и попыталась овладеть собой.

«Не стану я плакать перед ним», – подумала она сердито, но сразу поняла, что ничего поделать с собой не может. Слезы лились ручьем.

Когда она зарыдала в голос. Дариус удивленно оглянулся. Нахмурившись, он вернулся, присел рядом на корточки и попытался заглянуть ей в глаза.

– Эй, принцесса! В чем дело? Пытаетесь испортить мне ночь?

Она ошеломленно уставилась на него. «Испортить ему ночь?»

Когда Дариус протянул к ней руку, Серафина вздрогнула, но он легким движением извлек откуда-то и предложил ей чистый носовой платок.

Серафина приняла его и вытерла глаза, вспоминая, как в детстве считала Дариуса волшебником, потому что он умел достать из ее уха монетку, которая потом быстро растворялась в воздухе.

Дариус внимательно посмотрел на нее:

– В чем дело? Ты теперь боишься меня так же, как и другие?

В ответ она только всхлипнула.

– Эй, ну что ты, маленькая Стрекозка?! Это же я. – Дариус говорил ласково, почти обиженно. – Ты же знаешь меня. Всегда знала. С тех пор как была вот такой, такусенькой. – Он свел большой и указательный пальцы на расстояние дюйма.

Серафина посмотрела на его руку, а потом неуверенно встретилась с ним взглядом.

Много лет назад ее родители подобрали Дариуса на улице. Дикого воришку, который проявил отвагу и спас жизнь матери. В благодарность отец приблизил его к себе и воспитал как сына... Однако необычайно гордый Дариус никогда не принимал то, что считал милостыней. С тех пор Серафина подросла и осознала, что разочаровала родителей, ожидавших первенца сына, наследника престола, она нашла союзника и защитника в этом юном полуцыгане, привязанном, казалось, только к коням королевской конюшни. Как и Серафину, его любили, но ни для кого он не был самым желанным на свете. Опустив густые длинные ресницы, Дариус еще ласковее сказал:

– То, что ты меня теперь боишься, правильно. Я не виню тебя. Иногда я сам себя боюсь.

– Ты убил их, – прошептала она. – Это было ужасно.

– Это моя работа. И верно, иногда она ужасна. Мне жаль, что ты это видела. Вам следовало закрыть глаза, ваше высочество.

– Я и закрыла. Но все слышала.

– Этот человек оскорбил вашу честь. Он получил то, что заслужил.

Возмущенный, Дариус поднялся и пошел прочь.

Опершись подбородком на руку, Серафина смотрела, как он пересекал дворик: черный жилет подчеркивал широкие плечи и тонкую талию, пышные белые рукава сорочки струились по ветру.

«Теперь я оскорбила его!» Она ведь прекрасно знала, как он болезненно раним.

– Пойдемте, ваше высочество, – сдержанно сказал Дариус. – Ночь предстоит долгая. У французов есть еще несколько шпионов во дворце. Я пока не знаю, кто они, а мне нужно поймать их. До тех пор пока я не сделаю этого, необходимо поскорее удалить вас отсюда.

Серафина тяжело вздохнула и поднялась. Когда она приблизилась к Дариусу, он пошел впереди нее к выходу.

– Сначала мы повидаем вашего отца. Он поручит кому-нибудь спрятать вас...

– Дариус, подожди. – Серафина положила ладонь на его локоть. – Я не хотела...

– Время не ждет, ваше высочество. – Он отстранился. Рука ее соскользнула вниз, и кончики пальцев коснулись невидимого глазу теплого влажного пятна на черном жилете. Серафина повернула ладонь к свету.

– Дариус! – выдохнула она, глядя на окровавленные пальцы.

– Что?

– Ты истекаешь кровью.

В ответ она услышала тихий горький смешок. Он чиркнул серной спичкой о камень, зажигая черту.

– Для кого это имеет значение, Серафина? Для кого?

С небрежным изяществом Дариус бросил в фонтан горящую спичку и шагнул к выходу из дворика.

Глава 2

Лишь одно остается человеку чести, чья жизнь превратилась в ад наяву: славная смерть. И в эту минуту Дариус Сантьяго жаждал именно этого.

Серафина боялась его. «И конечно, вполне обоснованно», – с горечью подумал он. Принцесса была единственным чистым созданием, которое Дариус когда-либо знал, – нежной, невинной, ясной, как свет дня... А теперь она увидела, как он убивает, словно зверь, – убивает, получая от этого удовольствие.

Дариус так старательно скрывал от нее темную сторону своей натуры... и вот теперь она обнаружила ее.

Отходя от принцессы, Дариус ненавидел себя. Его потрясло и обескуражило поведение этого своенравного небесного создания. Он не мог дождаться минуты, когда расстанется с Серафиной и вновь отправится в дорогу, снова запретит себе думать о ней.

Видеть принцессу было для него мукой и блаженством.

Никогда она не будет принадлежать ему! Дариус знал это. Но ничего, скоро он найдет успокоение.

Неукротимое желание бурлило в его жилах. Ему надо скорее выбраться отсюда, оказаться подальше. Не откладывая, отправиться в дорогу.

Дариус уже уходил от Серафины три года назад, звездной апрельской ночью, когда она обвила его шею руками, поцеловала в щеку и прошептала, что любит его... Какой абсурд! И сегодня ночью он снова уйдет от принцессы, как только позаботится о ее безопасности. Даже в эту минуту, идя впереди Серафины, Дариус испытывал отчаянное стремление бежать куда глаза глядят.

Но он успел сделать лишь два или три шага вперед, когда она догнала его и крепко схватила за руку.

– О, да не бегите же, – с досадой проговорила Серафина нежным голоском.

Озадаченный, Дариус выгнул бровь, не понимая, почему она тащит его за руку, как ребенка.

Она решительно пересекла дворик. «Словно рассерженная королева фей», – подумалось ему. пышные разметавшиеся локоны при каждом шаге

подпрыгивали и колыхались у нее за спиной.

– Я никогда не понимала вас, Сантьяго! – возмущенно продолжала Серафина. – Неужели вам совсем безразлично, что вы ранены?

Сердясь, она постоянно говорила ему «вы» и называла «Сантьяго».

– Мне не больно, – солгал Дариус с привычной бравадой. Однако втайне он был польщен, что благодаря удару кинжала снискал ее сочувствие. Возможно, беспокойство за него отвлечет девушку от пережитых сегодня ужасов и всего прочего, свидетельницей чего ей пришлось стать.

– Почему вы сразу не сказали мне, что он вас ранил?! Почему с вами мне вечно приходится обо всем догадываться самой? Это у вас такая игра? С какой стати вы стоите, истекая кровью, и позволяете мне по-детски капризничать. А, не важно. Вам очень плохо?

– Гробовщик покуда мне не нужен. Вот разве что, – добавил Дариус, – ему.

Серафина остановилась перед трупом, преграждавшим выход и подняла на Дариуса растерянный взгляд. Увидев ее безмолвную мольбу о помощи, Дариус шагнул вперед:

– Позвольте мне.

Бледные щеки Серафины вспыхнули алым, словно лепестки розы, румянцем, потому что в ту же минуту Дариус чуть пригнулся и, подхватив ее здоровой рукой под коленки, поднял и прижал к груди. Ощувив теплоту прильнувшего к нему девичьего тела – плоского живота и пышной груди, – он мысленно застонал и попытался унять нарастающую лихорадку в крови.

Серафина была единственной дочерью его короля, и Дариусу вовсе не следовало знать, что сочные вишневые губки принцессы были точно такого же цвета, как ее соски.

Обняв Дариуса обеими руками за шею, Серафина как замороженная смотрела на мертвеца. Дариус решительно перешагнул через него, думая лишь о том, какая

принцесса легкая и изящная, несмотря на высокий рост и гордую осанку. Он опустил ее на траву.

Серафина плотнее запахнулась в сюртук Дариуса, скрещивая тонкие руки под высокой грудью и проницательно посмотрела на него:

- Что-нибудь еще болит или только плечо?

- Ничего серьезного, - вымолвил он наконец, надеясь, что так оно и есть.

Дариус чувствовал, как теплый ручеек крови струится под рубашкой, но у него не было времени думать о своих ощущениях - еще предстояла работа. «Слава богу за это!»

Серафина недоверчиво подняла бровь.

- Ничего особенного, - твердо повторил Дариус.

- Об этом судить мне. - Она крепко взяла его за руку и нетерпеливо повлекла по узкой садовой дорожке. На пересечении аллеи принцесса увидела труп француза и уставилась на него, будто не понимая, почему его кудрявая белокурая голова повернута под таким странным углом.

Дариуса покорила столь пристальный интерес к его трудам, а также быстрый настороженный взгляд, который она бросила на его руки, словно желая спросить: «Неужели это сделал ты?»

Сурово посмотрев на принцессу, Дариус высвободил руку и уверенно зашагал дальше по продуваемой ветром дорожке между подстриженными кустами стенок лабиринта. Серафина догнала его и пошла рядом, стараясь не отставать.

- Чего они хотели? Я считала их своими друзьями.

- Мне очень жаль, но друзьями они не были.

- Их послал Наполеон?

– Точнее сказать, Фуше, наполеоновский министр полиции. Официально император об этом ничего не знает.

– Но ведь они не хотели убить меня?! – изумилась Серафина.

– Нет.

– Тогда что же? Помешать моей свадьбе?

«Поразительная красота принцессы и легкая непринужденность манер заставляют забыть о том, что она очень умна, – подумал Дариус. – Своей улыбкой она вскружила голову и обвела вокруг пальца даже могущественного князя Анатоля Туринова, вырвав у этого русского обещание освободить в течение двух лет половину его крепостных».

– Да, – отвечал Дариус, – воспрепятствовать вашему замужеству. Если вы окажетесь в руках французов, вашему отцу придется передать им командование флотом Асенсьона. До сих пор они держались корректно, но появление на сцене вашего жениха изменило соотношение сил, поэтому французы прибегли к столь недостойной и презренной тактике.

– Но ведь теперь Наполеон командует также испанским флотом, зачем же ему еще и флот моего отца?

– Вы прекрасно знаете, что Наполеон никогда ничем не удовлетворяется. Кроме того, он еще не накопил сил, достаточных для захвата Англии. Ему понадобится множество кораблей. Все, которыми он сможет завладеть. Хотя ему вряд ли это удастся.

– Надеюсь, нет. Полагаю, Наполеон считал, что может придать моему похищению видимость законности, заставив меня выйти замуж за этого размазню Евгения?

– Согласно моим источникам, все обстоит именно так.

Серафина фыркнула.

Евгений – Эжен Богарнэ, двадцатичетырехлетний пасынок Наполеона – был, вероятно, единственным претендентом на руку Серафины, который не внушал антипатии Дариусу. Молодой аристократ был человеком чести, достойным, выдержанным, а любому, осмелившемуся даже помыслить о женитьбе на этой девице, следовало, как Дариус знал по своему опыту, обладать терпением Иова. К несчастью, в разразившейся войне Евгений оказался на стороне противника. И все же Дариус предпочел бы его тому, кого король выбрал в мужа принцессе, чтобы оградить остров от угрозы наполеоновского вторжения, – тщеславного златокудрого великана, князя Анатоля Туринова.

Желая обзавестись невестой королевской крови, дабы вызвать восторг друзей и зависть врагов, славный Анатоль, как насмешливо прозвал его Дариус, посетил несколько месяцев назад их королевство в надежде убедиться, что красота Серафины действительно несравненна. Во время двухнедельного пребывания князя на острове и ухаживания за принцессой Дариус находился в Москве, на посольской службе. Сговор был совершен с невероятной быстротой.

«Слишком быстро, черт возьми!» – с горечью подумал Дариус.

Он даже не успел до конца собрать сведения для короля о характере, прошлом и окружении будущего жениха.

В обмен на руку Серафины тридцатилетний русский герой войны обязался поставить сто тысяч своих солдат и дотла сжечь Париж, если Наполеон предпримет враждебные действия против крошечного нейтрального Асенсьона. Поскольку это обещало острову мир, свадьба была назначена на первое июня. Теперь до нее оставалось меньше месяца, но Дариус твердо решил, что свадьбе не бывать.

Он украдкой бросил взгляд на восхитительную девушку, идущую рядом с ним.

Дариус не раз задумывался о том, каковы ее чувства к Анатолю. Женщины сходили с ума по этому красавцу, известному не только своей голубой кровью, но и воинскими доблестям. Возможно, Серафина сочла его достойным себя. Возможно, влюбилась в него.

В этот момент небо расколол удар грома. Летний ливень обрушился на землю.

Молодые люди в мгновение ока промокли до нитки.

Серафина запрокинула лицо кверху, ловя губами теплые капли и сложив ладони лодочкой.

Дариус смотрел на босую, оборванную девушку в сюртуке, доходившем ей почти до колен. Она наслаждалась дождем, впитывала его как цветок и вдруг рассмеялась.

Услышав этот беззаботный смех, Дариус тоже засмеялся.

Принцесса вскинула руки над головой, раскрыла ладони и закружилась, подставляя дождю лицо. Длинные влажные локоны заколыхались, капли дождя сверкали в темных волосах как бриллианты.

- Дариус! - восторженно воскликнула она. - Ты спас меня!

Сделав легкий пируэт, Серафина приблизилась к Дариусу, уперлась теплой ручкой ему в живот и остановилась. Поднявшись на цыпочки, она поцеловала его в твердый мокрый подбородок. Струйки дождя стекали по ее щекам.

Проделав это, принцесса упорхнула прочь, словно лесная нимфа, рассыпая на бегу брызги серебристого смеха. Ошеломленный, он замер и лишь следил взглядом за ее движениями, прижимая ладонь к животу в том месте, где она коснулась его. Дариус наблюдал, как принцесса ловит розовым язычком капли дождя, и душа его ныла от безысходной муки.

Удар грома прогремел прямо над ними, как пушечный выстрел. Дариус тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения взглянул на небо, провел ладонью по мокрым волосам, гладив их, и подумал о том, кому поручит король спрятать принцессу и охранять ее.

К счастью, сам он будет слишком занят, отлавливая шпионов.

Серафина ожидала его поодаль, нетерпеливо переступая босыми ножками по лужам. Дариус быстро догнал ее, и они направились к выходу из лабиринта. Насквозь промокшие, молодые люди бегом пересекли несколько восьмиугольных

живых изгородей и устремились далее по большой аллее, окаймленной высокими кустами, подстриженными в виде колонн и конусов.

Дождь с силой бил по мелким камням дорожки. Они добежали до маленького здания неподалеку от лабиринта. Скрытый пышными зарослями сирени точно такого же цвета как глаза принцессы, этот домик из красного кирпича, казалось, затаился и спал.

Оба промокли до нитки и тяжело дышали. Дариус распахнул перед принцессой деревянную дверь, и ее звонкий смех огласил единственную комнату служебного здания, оснащенную металлическими трубами и вентилями, посредством которых управляли фонтанами и каскадами.

Изящно изогнувшись, Серафина отжала мокрые волосы. Между тем Дариус на ощупь пробирался по темному помещению, пытаясь обнаружить маленькую дверцу, которая вела в коридор, соединяющий домик с дворцом.

- Подожди меня. Я же не вижу тебя.

Дариус остановился и протянул ей руку. Серафина шагала слишком поспешно и в темноте наткнулась на нее.

- Ты хочешь схватить меня? - шутливо осведомилась она.

- Надеешься на это, не так ли? - смущенно пробормотал Дариус.

- Очень!

- Кокетка! - Он покачал головой, удивляясь тому, как быстро оправилась Серафина от пережитого страха. Впрочем, Дариус знал, что она гораздо сильнее душевно и физически, чем кажется на первый взгляд. Как и он, принцесса всегда играла роль, но Дариус знал, какова она на самом деле. - Юная дама, вам, несомненно, следует прочесть лекцию о том, как надо себя вести.

- О Дариус, как же я соскучилась по твоим лекциям!

– А что же мне делать? Вести вас через парадный вход? Хотите предстать перед русскими дипломатами похожей на мокрую мышь?

– Я не могу выглядеть как мокрая мышь. Я – Елена Троянская! Не забывай об этом.

– Положись на меня.

– Господи, да найдешь ли ты когда-нибудь эту дверь?

– Нашел. – Дариус нажал на маленькую дверку, и она громко заскрипела во мраке.

Серафина осторожно заглянула в открывшийся проход.

– Там внизу темно, как в склепе.

– Не бойтесь, я знаю дорогу.

К двадцати годам Дариус дослужился до чина капитана королевской гвардии, охранявшей дворец, но с дворцовыми тайными ходами познакомился еще в детстве. Путаясь под ногами строителей, возводивших это великолепное здание, Дариус исследовал каждый его дюйм, словно предвидя, что когда-нибудь оно заполнится придворными и вельможами, в нем не будет места юному воришке-полуцыгану... как бы ни обожал он богоподобного короля и его нежную королеву, приголубивших его, ничтожного и никому не нужного.

Даже будучи мальчишкой, он считал необходимым доказать королю Лазару и королеве Аллегре, что они не напрасно проявили благородство. Дариус был совершенно уверен, что король и королева не отошлют его прочь, поскольку они всегда обращались с ним как с членом семьи, но рисковать не хотел. Он выучился читать, получил образование, изучал окружающих людей и мастерски овладел всеми видами оружия. Дариусу дали шанс порвать со своим прошлым, стать выше и лучше, чем он был, и всю свою волю мальчик направил на то, чтобы достичь совершенства. Как королевский воспитанник, он имел многочисленные преимущества, чтобы продвинуться вверх, но предпочел возвышаться, прилагая собственные усилия. Ему не хотелось, чтобы его благодетели

заподозрили, будто он служит им из корысти. Дариус платил им за добро беспредельной преданностью и любовью.

Медленно и осторожно свел он их дочь по шаткой винтовой лестнице в нижний коридор.

Так как в подземелье царила полная тьма, Дариус позволил принцессе держать его за руку, но окружавший их мрак, ее тепло, аромат и близость обволакивали его и распаляли воображение.

Потрясенный силой нахлынувших на него чувств, Дариус выпрямился, расправил плечи, вздернул подбородок и ускорил шаг, громко звякая шпорами по каменным плитам пола.

Он мог обладать любой женщиной, какую бы ни пожелал.

Кроме принцессы.

– Скажи, Дариус, как тебе удалось оказаться в нужном месте именно в ту минуту, когда ты был мне необходим? – Она дернула его за рукав. – Цыганская ворожба?

Только принцесса, упоминая о сомнительном происхождении Дариуса, не задевала его чувств.

– Вряд ли. Никакой случайности здесь не было. Я пытался сойти на берег тайком, но Сен-Лоран, должно быть, прослышал о моем прибытии. Полагаю, из-за этого он решил поскорее привести в исполнение свои планы.

– Вот оно что. – Серафина минуту помолчала, нерешительно добавила: – Дариус, я знаю, ты должен обо всем доложить отцу, но не рассказывай ему о том... что сделал Филипп. Это его очень огорчит...

Просьба принцессы удивила Дариуса: он не предполагал, что она способна, забыв о своих чувствах, проникнуться болью близкого человека. Лазар, конечно, захочет узнать во всех подробностях об оскорблении, нанесенном французами его дочери, но она права. Это лишь воспламенит гнев гордого короля Лазара ди

Фиори и побудит его еще энергичнее бороться против Наполеона.

– Да, ваше высочество, – ответил Дариус, с сожалением подумав, что в последнее время у него накопилось слишком много тайн от короля.

– Сначала мы отправимся в мои покои, где я сменю это платье. Если папа увидит, как оно разорвано...

– Я все понимаю.

– Спасибо, – прошептала Серафина. – Я так счастлива, Дариус, что ты дома. Я всегда тревожусь за тебя, когда ты куда-то исчезаешь.

Вскоре они, все так же во мраке, поднимались по узкой лестнице. На крохотной площадке молодые люди свернули на второй пролет. Дариус старался не замечать слабости и мучительного поташнивания, но на середине лестницы его внезапно качнуло к стене – дала знать о себе потеря крови.

– Дариус?! Что такое?

– Со мной все в порядке. – Яркие точки замелькали перед глазами в непроглядной тьме.

– Сядь. Я сбегаяю за врачом.

– Ничего, пустяки. Я... мне не нужен... этот безмозглый дурак. Я только... – Мысли разбегались. Головокружение усиливалось, дыхание стало прерывистым. Дариус тяжело оседал на пол.

– Оставайся здесь. Я поищу свечу и осматрю рану...

– Нет! Мне ничего не надо, – отрезал он.

– По крайней мере сядь. – Серафина схватила Дариуса за руку, пытаясь удержать его, но он грузно опустился на ступеньки.

«Как унижительно», – мелькнуло у него в голове.

– О господи, как бы мне хотелось посмотреть, что с тобой, но здесь так темно! – Принцесса быстро склонилась над ним. – Скажи мне, что с тобой?

Он только усмехнулся и пригнул голову к коленям, стараясь преодолеть тошноту.

– Рана колющая или резаная? – спросила девушка.

– Ублюдок резанул меня по плечу.

– Спереди?

– По-моему, и спереди, и сзади.

– В пальцах покалывание или онемение?

– Не знаю. – Дариус закрыл глаза и прислонился к стене. – Я чертовски устал.

В темноте она нежно провела рукой по его щеке.

– Я знаю, бедняжка. Ты никогда не можешь остановиться. Никогда не даешь себе времени выздороветь.

Ее прикосновение было божественным. Дариус прильнул к ее ладони, но тут же отпрянул, ужаснувшись тому, что она сказала, и тому, что он признался в своей слабости.

– Со мной все хорошо. Просто я уже не так молод, как раньше. – Дариус ослабил здоровой рукой галстук, глубоко вздохнул и сжал зубы, собирая свою волю в кулак. – Ладно. Прости. Пойдем.

– Прости? – удивилась Серафима. Дариус заставил себя встать.

Девушка попыталась поддержать его, но он с досадой оттолкнул ее руку.

– Бога ради! Я не инвалид. У меня всего лишь легкая царапина...

– Хорошо, Дариус. Все в порядке, – успокаивающе проговорила она, чуть отступив, но оставаясь рядом с ним.

К этому времени они выбрались в тускло освещенный служебный холл на третьем этаже королевских покоев. Дариус почувствовал себя увереннее, и к нему сразу вернулась привычная надменность. Широким жестом он махнул рукой перед принцессой, с подчеркнутой галантностью приглашая войти.

– Только после вас, ваше высочество.

Окинув Дариуса настороженным взглядом, принцессой пошла вперед. Они миновали аккуратно поставленные вдоль стен половые щетки, полки с постельным бельем... У него мелькнула мысль, что принцесса, наверное, никогда раньше их не видела во дворце.

Она явно не догадывалась, что именно слуги были основным источником его информации. Куда бы ни заносила Дариуса судьба и королевские поручения, он издали следил за каждым шагом Серафины. В последнее время, как было ему известно, она вела себя сумасброднее, чем когда-либо: поклонники, балы, пикники, расточительные покупки... Серафина старалась казаться бесшабашной, когда нервничала или трусила. Дариус догадывался о причине ее эскапад: Серафину подталкивало к ним приближение свадьбы.

«Неужели я допущу, чтобы этот тщеславный грубиян дотронулся до нее своими ручищами?» – подумал Дариус, кипя от ярости. Ему хотелось рассказать ей прямо сейчас о том, что он узнал, и успокоить ее. Но Дариус должен был молчать. Когда все закончится, Серафине станет известно, какой дар он преподнес ей.

Быстро пройдя по коридору, они очутились напротив деревянной панели между двумя высокими хозяйственными полками. Дариус остановился напротив нее, пробежал пальцами по стыку, сильно нажал и быстро отступил, когда она с громким щелчком открылась.

Едва панель скользнула в стену, как за ней открылся полумрак спальни принцессы.

Дариус увидел, как фиалковые глаза расширились, потом потупились. Девушка побледнела.

Поняв, что он имеет тайный доступ в ее покои, принцесса, конечно же, возмутится. Но она промолчала.

– Подручные Сен-Лорана все еще на свободе, – объяснил Дариус. – Я не хочу выпускать вас из поля зрения, ваше высочество.

– Вам ничего не нужно объяснять, Сантьяго. Я полностью полагаюсь на вашу честь.

Ее слова польстили ему.

– Кому еще известно об этой панели?

– Никому, ваше высочество.

Архитектор давно умер, король, вероятно, позабыл о панели, а своему преемнику на посту капитана королевской гвардии Дариус об этой двери не сообщил. Он ничего не имел против Орсини, но в том, что касалось принцессы, не доверял никому. Дариусу никогда не приходило в голову нарушить ее уединение, но большинство мужчин не обладали его железной выдержкой.

Серафина царственно прошествовала в свою спальню. Закрыв за собой потайную дверцу, Дариус вошел за Серафиной в ее волшебный чертог.

Дождь монотонно стучал в стекло. пышные цветы стояли на подоконниках и на полу вдоль окон. Постель принцессы казалась прелестным облаком из белого легкого тюля, который, спускаясь каскадами на розовые атласные простыни, защищал нежную кожу королевской дочери от москитов. На пышных подушках изголовья спала, свернувшись клубочком, белая персидская кошка. Серафина пересекла комнату и открыла дверь в будуар. Поток света, лившийся оттуда, озарил полутемную спальню. Дариус помедлил, наслаждаясь чарующим

зрелищем. Возле постели висела разукрашенная птичья клетка. Крохотная дверца ее была распахнута настежь. Дариус заметил, что маленький попугай внимательно наблюдает за ним с жердочки над окном. Внезапно откуда-то выпрыгнула обезьянка, и Дариус вздрогнул от неожиданности. Она заверещала, пугая незваного гостя, но быстро притихла и начала кувыркаться на спинке кровати. «Неблагодарное существо!» – подумал Дариус, вспомнив, что сам подарил ее Серафине на пятнадцатилетие. И сказал тогда, что они похожи. С обезьянки он перевел взгляд на прикроватный столик с женскими безделушками. Головная щетка... раскрытый роман... флакончики с духами...

В этот момент в дверном проеме возник стройный силуэт Серафины. Она вытирала полотенцем мокрые волосы.

– Дариус!

Сантьяго заметил, что она сменила его огромный сюртук на изящный домашний халат, туго подпоясав тонкую талию поясом с бантом. Бросив ему полотенце, девушка подошла к постели, взяла на руки обезьянку и заворковала над ней, успокаивая возбужденного зверька. Быстро вскарабкавшись по плечу хозяйки, обезьянка уселась ей на макушку и обхватила черными лапками лоб Серафины.

Принцесса повернулась к Дариусу и кокетливо спросила:

– Нравится тебе моя шляпка?

– Она очаровательна.

– О, благодарю. – Серафина подошла к клетке для обезьянки, сняла малышку с головы, поцеловала и поместила в клетку. Улыбнувшись Дариусу, она прошествовала в соседнюю комнату и бросила ему на ходу: – Иди за мной.

Не сводя глаз с элегантной стройной фигурки, он вытер лицо, провел полотенцем по волосам и последовал за девушкой в смежную комнату.

Серафина грациозно склонилась к камину, где горел небольшой огонь. Дариус залюбовался изысканным изгибом спины и бедер, а в голове вихрем закружились яркие греховные картины.

Ах, напрасно принцесса так доверяет ему...

Она зажгла от пламени камина красивую восковую свечу и обошла все светильники. Озаренная множеством огней, комната приобрела жизнерадостный вид.

- Садись! - Принцесса кивнула на самое удобное и уютное кресло.

- Нет, благодарю вас.

Она удивленно посмотрела на него:

- Нет? Дариус, ты же чуть не потерял сознание на лестнице. Сядь, пожалуйста.

- Моя одежда промокла насквозь, а кровь зальет всю обивку, - пояснил Дариус.

- Думаешь, кресло заботит меня больше, чем ты? - Серафина засмеялась. - Какой же ты болван, Сантьяго! Сядь, ради всего святого, прежде чем упадешь на пол!

Со страдальческим вздохом Дариус накинул на спинку кресла полотенце, чтобы предохранить от крови светло-желтую парчу.

- Постарайтесь поскорее переодеться, - проговорил он, рухнув в кресло. - Я не привык ждать, пока дама оденется.

Ответив ему понимающей улыбкой, Серафина повернулась к каминной полке и пошарила среди стоящих на ней безделушек. Он откинул упавший на глаза локон, положил ногу на ногу и стал небрежно поигрывать серебряной шпорой.

- Дариус!

Он вопросительно поднял глаза. Принцесса вынимала из фарфоровой шкатулки, стоявшей на каминной полке, белую ленту. Дариус с изумлением заметил, что там же, рядом со шкатулкой, стоял его портрет в небольшой рамке.

Это была копия портрета Дариуса в полный рост, заказанного королевой после того, как он получил ранение, закрыв собой короля от выстрела. Дариус был изображен в мундире – белый камзол, золотые медали, алый пояс – и смотрел сурово и печально.

«Глаза старика на лице молодого человека», – грустно подумалось ему. Казалось, жизнь его закончилась, не начавшись... И все же странное чувство жгучей мукой колыхнулось в груди Дариуса при мысли, что Серафина помнила о нем и держала портрет перед глазами, у всех на виду.

– Дариус, – повторила она, нарушая затянувшееся молчание.

– Да, ваше высочество? – рассеянно откликнулся он.

– Снимайте сорочку, – не глядя на него, приказала она.

Дариус медлил, сомневаясь, что правильно понял ее. Взгляд его вновь метнулся к стройной фигуре, к очаровательным ягодицам, обтянутым голубым атласом. Серафина невозмутимо завязывала лентой пышные непокорные локоны.

С легкой усмешкой Дариус переспросил:

– Что вы сказали?

– Пожалуйста, снимите жилет и сорочку.

– Ах, ваше высочество, – весело отозвался Дариус, – поверьте, я весьма польщен, но сегодня не в настроении...

Она обернулась и насупилась.

– Бога ради, Сантьяго! Я не пытаюсь вас соблазнить. Нечего сидеть как болван, истекая кровью. Раздевайтесь. Живо!

Со свечой в руке принцесса скрылась в соседней комнате. Подавшись вперед, Дариус заглянул в ее гардеробную. Там висело множество платьев, стояли ряды туфель, которые, кстати, Серафина так не любила носить, предпочитая бегать

босиком.

Когда она вернулась в гостиную, через плечо у нее было перекинуто несколько полотенец, в одной руке принцесса и держала корзинку со швейными принадлежностями, а в другой – бутылку, похоже, с коньяком. Поставив все это на пол возле его кресла, она подтащила поближе пуфик и уселась напротив Дариуса.

– В чем дело, Сантьяго? – осведомилась Серафина, изящно сложив руки на коленях. – Почему вы не хотите, чтобы я помогла вам?

Он посмотрел на швейную корзинку, потом на принцессу.

– С каким бы уважением я ни относился к вашему вышиванию, я не стремлюсь стать вашей подушечкой для булавок.

– Я знаю, что делать, потому что раз в неделю помогаю в больнице для стариков.

– Если мне придется наложить швы, – возразил он, – я сделаю это сам.

– Вы же сказали, что рана идет через плечо на спину. Подумайте, как вы доберетесь до нее сзади?

– Я обращусь к хирургу.

Принцесса язвительно улыбнулась и ласково постучала пальчиком по его подбородку.

– Не лгите, Сантьяго. Я знаю, что ни к какому хирургу вы не пойдете. Вы что, не доверяете мне?

«Она или глупая, или мучает меня нарочно, чтобы развлечься», – подумал Дариус, вжимаясь в спинку кресла. Возможно, семидесятилетний инвалид может спокойно перенести прикосновение этих бархатных ручек, но он-то не достиг и середины этого возраста.

Пожав плечами, Серафина встала, налила воды в чайник и поставила его на огонь. Вернувшись к креслу, она опустилась на колени и открыла корзинку.

– Годится ли вам белая нитка, полковник, или вы предпочитаете что-нибудь более яркое? – осведомилась Серафина, перебирая разноцветные мотки ниток. – Алые? А может, золотые?

– У меня, право, нет времени играть с вами в больницу.

– Не заставляйте меня напомнить вам о том, кто я. – Зажав иголку зубами, принцесса аккуратно вытянула белую нитку из мотка и осторожно расправила ее. – Если будете проявлять своеволие, мне придется просто приказать вам подчиниться. Раздевайтесь, сударь!

Дариус не шевельнулся. Не мог. Внезапно покончив с ниткой, Серафина отложила ее в сторону и, упершись руками в колени, устремила на раненого пристальный взгляд.

Дариус смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова.

Однако она каким-то непостижимым образом поняла его.

– Хорошо, – мягко проговорила принцесса, всматриваясь в его лицо. – Просто сидите спокойно, а я все сделаю.

У Дариуса не нашлось ни доводов, ни сил помешать ей. Он знал, что принцесса не должна к нему прикасаться. Она тоже, конечно, знала это, но разве когда-нибудь Серафина делала то, что положено? А он? Ослушался ли хоть раз в жизни Дариус королевского приказа?

Сначала принцесса стянула с него развязанный галстук, затем придвинулась еще ближе и опустилась на колени между ногами Дариуса.

Он следил за каждым ее движением настороженно, как зверь, а она между тем невозмутимо расстегивала его черный жилет. Дариус остался в одной сорочке. Рваной, промокшей, окровавленной...

– Бедняжка! – пробормотала принцесса. Когда же она попыталась стащить с него сорочку, он, задохнувшись, отпрянул и вперил в нее гневный взгляд.

– В чем дело, Дариус? Робеешь? – мягко спросила она. Дариус замороженно смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова, не подозревая, что все чувства ясно читались в его глазах.

Наконец он кивнул.

Серафина ласково погладила его по щеке.

– Я не причиню тебе боли, Дариус. Не бойся. В конце концов... – Она потупила взгляд. – Ты же видел меня всю.

Дерзкое замечание вывело его из оцепенения. Дариус с ужасом уставился на принцессу.

– Ах ты, скверная девчонка! – выдохнул он, охваченный желанием.

«Господи Иисусе! Что я делаю?!» – мелькнуло у Дариуса в голове. Руки у него горели от страстного желания прикоснуться к ней, провести ладонями от талии по изящному изгибу бедер, раздвинуть полы халата и вдохнуть аромат ее влажной от дождя кожи. Он вцепился в подлокотники кресла, из последних сил борясь с собой.

Затем Дариус вспомнил, что все равно через несколько недель умрет: после того как он обнаружит всех шпионов и разделается с ними, ему предстоит опаснейшая миссия. Так какое все это имеет значение?

Изменить что-либо в том, что ему предстояло, уже не в его власти. Так пусть по крайней мере принцесса перевяжет его рану.

Возможно, Серафина знает, что делает, в чем Дариус, впрочем, сомневался, но он сможет поговорить с ней еще немного времени, а кроме того, это избавит его от визита к неумехе хирургу.

Нет, все это не зайдет далеко – Дариус не допустит ничего дурного. Сегодня его буйный и неистовый нрав словно сорвался с цепи – это верно, – но он все еще мог совладать со своими страстями. Недаром Дариус числил в своих предках по отцовской линии Торквемаду, самого свирепого из испанских инквизиторов. И вообще скоро история для него закончится и принцесса станет мукой для кого-то еще. Сердце Дариуса вновь тяжело забилося, когда Серафина прочла в его глазах, что он сдается. В ее взоре мелькнул огонек предвкушения, подсказавший Дариусу, что, возможно она так же пылко мечтает прикоснуться к нему, как и он к ней.

– Так как же? – сдержанно осведомилась принцесса.

Дариус равнодушно пожал плечами, словно его ничуть волновало, соблазнит ли его Серафина или он истечет кровью... Впрочем, Дариус сомневался, что обманул девушку напускной беспечностью.

– Снимай сорочку, – прошептала она. Он повиновался и застыл, сжав ее в комок побелевшими от напряжения пальцами.

Однако первое, на чем остановился взгляд Серафины, была не рана, а маленький серебряный образок, висевший у него на шее на длинной прочной цепочке.

«О дьявол! – Сердце Дариуса упало. – Теперь все! Я попался!» Он совсем забыл об этой проклятой штуке.

Дариус замер, загнанный в ловушку, разоблаченный, полностью раскрывший ей свою тайну.

Не сводя с образка удивленных глаз, Серафина взяла образок в ладонь, ненароком коснувшись при этом груди Сантьяго. Всмотревшись в серебряный образок, она подняла на Дариуса невинные фиалковые глаза, и рот ее приоткрылся в немом изумлении.

Этот образок с изображением Богоматери принцесса подарила ему в тот день, когда в него стреляли у нее на глазах – в день ее двенадцатилетия.

До сих пор Серафина ненавидела свой день рождения. Ее ничуть не утешало то, что она была не виновата в случившемся. Тогда она не отходила от его постели. Дариус метался в лихорадочном бреду, не понимая, что принцесса постоянно говорит с ним, шепчет молитвы, но именно ее тихий охрипший голосок был нитью, связывающей его с жизнью.

Позже ему рассказали, что Серафину пытались увести от его постели, но она сопротивлялась как безумная – и оставалась возле Дариуса.

Он никогда не забывал об этом. Дариусу раньше и в голову не приходило, что кто-то может быть так ему предан. Едва он пришел в себя, она повесила ему на грудь этот образок и сказала, что Богоматерь будет его защитницей. А затем произнесла еще нечто очень важное... Как же это звучало?

Он смотрел в глаза прекрасной молодой принцессы, в ушах его звучал шепот шаловливой девчушки:

«Ты самый храбрый рыцарь на свете, Дариус, и, когда вырасту, я выйду за тебя замуж!»

Глава 3

– Образок все еще у тебя, – прошептала принцесса. Она уставилась на крохотный серебряный образок, который лежал у нее на ладони, еще согретый теплом его тела.

– Все еще у меня, – тихо отозвался Дариус.

Потрясенная, Серафина попыталась прочесть правду в его бездонных агатовых глазах. Она затаила дыхание, не смея преступить черту и придать своему открытию слишком большое значение. Однако был же какой-то смысл в том, что Дариус до сих пор носил побрякушку, которую она подарила ему давным-давно! Ей хотелось рассмеяться и обнять его.

Неописуемая радость, мучительно сладостная, разгоралась в ее груди, расходясь волнами по телу, лучилась из внезапно затуманившихся глаз.

- Говорю вам: все будет хорошо.

Он улыбнулся ей своей смущенной мальчишеской улыбкой и потупил взгляд.

Какое-то мгновение принцесса нежно рассматривала Дариуса в теплом мерцании свечей. От потери крови он побледнел и осунулся. Глаза смотрели пронзительнее и настороженнее, темные круги под ними свидетельствовали о застарелой усталости, в уголках глаз прибавилось морщин.

- Ты наверняка ничего не ешь, - мягко заметила она.

Он пожал плечами и что-то невнятно возразил.

Принцесса знала, что временами Дариус подвергал себя суровым постам, безжалостно добиваясь необычайного рыцарского совершенства. Он находился в постоянном поиске, в погоне за славой и совершал подвиг за подвигом, словно не веря, что когда-нибудь достигнет идеала. Это надрывало ей сердце.

«Что ж, - подумала принцесса, - по крайней он согласился принять помощь». Она выпустила из рук образок, и он вновь повис у него на груди. Поднявшись с колен, Серафина поцеловала Дариуса в лоб.

- Я сейчас вернусь, - прошептала она, направляясь к закипавшему чайнику.

Вскоре кипяток был налит в два таза, которые Серафина по очереди перенесла поближе к креслу Дариуса, затем тщательно вымыла руки, морщась от боли в порезанном и распухшем пальце.

Попытка снять перстень не удалась, так как золотая оправа погнулась. Возиться с перстнем принцессе было некогда, и она повернулась к терпеливому пациенту.

- А теперь давай-ка осмотрим все как следует.

Серафина подошла к Дариусу слева, желая внимательнее изучить последний след его отваги и беззаветной преданности ее семье.

На блестящей загорелой коже при первом же прикосновении ее пальцев появились мурашки. Принцессе хотелось бы погладить это мощное тело... детально изучить его... Пластичность скульптурной лепки груди Дариуса зачаровала ее. Надменный изгиб шеи притягивал взор. Не в силах совладать с соблазном, она медленно прошлась ладонью по твердым, как камень, мышцам предплечья, приближаясь к раненому плечу.

Дариус сидел покорно, не поднимая головы. Серафина ощутила, как постепенно его покидает напряжение, увидела, как опустились длинные ресницы, и принялась за дело.

Сначала она смыла кровь с левого плеча, затем протянула руку и дотронулась до старого шрама под правой ключицей. Именно сюда восемь лет назад, в день ее рождения, попала пуля убийцы, покушавшегося на короля. Врачи утверждали, что от такой раны Дариус непременно умрет. Священник совершил над ним последний обряд. У отца на глаза навернулись слезы – дело неслыханное. Серафина тогда словно обезумела. Ей не хотелось сейчас думать об этом, но именно тогдашние мучения Дариуса пробудили в ней интерес к медицине.

Она намочила тряпицу в теплой воде, отжала ее, затем внимательно посмотрела на рану и слегка протерла ее края.

Очень глубокий разрез. Едва Серафина нажала на край, потекла кровь.

– Настойка амаранта ослабит кровотечение, но рану придется зашить, – задумчиво проговорила она. – Полагаю, понадобится наложить не более девяти швов. Хочешь выпить перед тем, как я начну?

– Я не пью спиртного.

– Мне это известно. Я не предлагаю тебе напиться допьяна, просто хочу притупить боль.

– Нет! – отрезал Дариус.

– Ну как хочешь, бедный заложник чести.

Принцесса смочила чистый сухой лоскут коньяком.

Плотно прижав тряпицу к ране, она впилась глазами в лицо Дариуса, уверенная, что обжигающая примочка заставит его поморщиться от боли. Но он лишь судорожно глотнул и посмотрел на Серафину, презрительно прищурившись. Лицо его выражало привычную надменную дерзость. Она покачала головой, восхищенная его стойкостью.

Затем, налив из маленького флакона немного жгучей настойки на чистое полотенце, Серафина несколько минут подержала его на ране.

Через несколько минут, проверяя рану, Серафина поняла, что амарант помог: кровотечение почти прекратилось. Всякий хирург не верил старым народным средствам, но Серафина не раз наблюдала силу их действия. Между тем пришло время взяться за иглу, и во рту у нее пересохло.

«Я смогу это сделать! – с отчаянием убеждала она себя. – Я должна! Рана требует этого. Я сделаю все так, как описано в учебниках, как показывал мне королевский хирург». Стремясь овладеть искусством исцеления, Серафина постоянно помогала в перевязках, видела это не меньше дюжины раз и однажды проделала все сама, когда хирург только наблюдал за ее работой. «Кроме того, – приободрила себя девушка, – я прекрасно вышиваю и вяжу!»

Левой рукой она свела вместе края ткани, затем подвела к ним иголку и поморщилась, не решаясь вонзить ее в тело Дариуса.

– Теперь замри, – предупредила Серафина, оттягивая момент укола. – Больно не будет. Разве что чуть-чуть.

Дариус нетерпеливо вздохнул.

– Как вам заблагорассудится, ваше высочество. Полагаю, вы знаете, что делать.

Серафина поморщилась и бросила гневный взгляд на его затылок, но дерзкое замечание побудило ее наконец к действию. Она вонзила иглу в бронзовую

кожу.

– Ох! – воскликнул Дариус, когда принцесса протолкнула иглу дальше.

– Ага, все-таки в тебе есть нечто человеческое!

– Пожалуйста, смотрите, что делаете.

– Неблагодарный, – ворчливо отозвалась она. Ладони ее увлажнились от напряжения, но пальцы не дрожали. Серафина тщательно стягивала нитками края раны и была так поглощена своим занятием, что не замечала крови, заливавшей ее руки. Она немного успокоилась, лишь завязав последний узелок и обрезав нитку ножницами. Потом прижала к шву сухой лоскут и промокнула кровь.

– Ну вот и все. Как ты себя чувствуешь? – спросила принцесса, смывая кровь с рук во втором тазике.

– Лучше.

– А теперь окажи мне милость: пообещай несколько дней не очень двигать плечом.

– Разумеется, – иронически отозвался Дариус.

– Ты просто невозможен! – рассердилась Серафина, вновь оглядев свою работу.

Теперь, покончив с делом, было вполне естественно погрузить пальцы в его волосы, взъерошить их... нежно поцеловать Дариуса в висок.

– Ты держался очень храбро, – лукаво заметила девушка.

Только когда Дариус запрокинул голову и посмотрел на нее долгим взглядом, принцессе пришло в голову, что, возможно, она опять ведет себя с ним слишком настойчиво и откровенно. Серафина вспыхнула от смущения. Она ведь больше не дитя, которое когда-то забавлялось тем, что карабкалось на него и прижималось к мощному телу, словно Дариус был ее ручным зверем.

Отвернувшись от него, принцесса проговорила с нарочитой беспечностью:

- Не бойся, Сантьяго. Я не собираюсь снова вешаться тебе на шею.

Сказав это, она решительно взяла ножницы и стала быстро резать чистую простыню на узкие полосы, чтобы перебинтовать рану, и внезапно охнула.

- Что случилось? - встревожился Дариус.

- Я повредила себе руку, когда разбила лицо Филиппу, - неохотно ответила Серафина.

- Что? - недоверчиво рассмеялся Дариус.

- Думаешь, я шучу? Я ударила его моим перстнем. Посмотри! - Она подошла к нему и показала пораненную левую руку.

Дариус осторожно взял ее крепкими теплыми пальцами и внимательно осмотрел.

Золотая филигранная оправа обручального кольца согнулась от удара. Бриллиант величиной с желудь почти выскочил из пазов, а золотой обруч слегка перекосялся и врезался в нежный пальчик.

- Я ударила его кулаком в челюсть. Поэтому мне и удалось вырваться. А потом я убежала от них в лабиринт, надеясь там спрятаться. Я всегда так скрывалась от гувернантки.

Дариус изумленно поднял глаза.

- Отлично проделано, Серафина. - Он ласково притянул ее к себе. - Иди сюда. Присядь. Тебе следовало сначала позаботиться о себе.

Она подчинилась и села на кушетку напротив. Скульптурные мускулы его груди и живота заиграли, когда Дариус поднял с низкого столика тазик с почти остывшей водой и поставил ей на колени. Пальцы его чуть задели ее колени, и

Серафина вздрогнула. Правой рукой она придерживала тазик, пока Дариус искал мыло.

– Давай-ка снимем поскорее кольцо.

– Оно застряло.

– Сейчас посмотрим. – Бережно взяв ладонь принцессы, Дариус опустил ее в воду.

Не произнося ни слова, оба смотрели на свои соединенные руки. Время шло.

Затем Дариус взял маленький скользкий обмылок, провел им несколько раз по ее ладони и ласково втер пену в нежную кожу. Серафина чуть не застонала от наслаждения: каждое прикосновение Дариуса легкими иголочками пробегало от кончиков пальцев вверх до плеча. Сердце билось часто-часто.

Когда пена покрыла пленкой руку принцессы, Дариус крепко взялся двумя пальцами за обруч золотого кольца и сжал его сильно и точно. Она опустила голову, прикусив от боли губу, и не сводила глаз с напрягшихся в осторожном усилии мышц его предплечья. Затем Дариус переменял положение пальцев, так что теперь все пять держали золотой обруч, и стал постепенно стаскивать его с ее пальчика.

– Тебе больно? – прошептал он.

Серафина покачала головой.

Кольцо было слишком деформировано, чтобы соскользнуть с распухшего среднего сустава.

– Потерпи еще немножко, – попросил Дариус.

И снова намылил ей руку. А Серафина любовалась игрой мускулов на его груди, жадно рассматривала бледно-коричневые круги сосков и серебряный образок, сверкающий на его блестящей загорелой коже. «Как же он красив!» – с томительной мукой подумала принцесса, понимая, что Дариус никогда не будет

принадлежать ей. Влечение к нему порождало в Серафине тоску и гнев. Неужели она так никогда и не избавится от любви к этому мужчине? Неужели у нее нет гордости? Она пыталась возненавидеть его, но не могла.

Дариус снова попытался превратить деформированное кольцо в правильный круг и стащить его, но это ему не удалось.

- Думаю, мне не избавиться от него, - прошептала Серафина.

- Я освобожу тебя от него. Верь мне. - Он вновь опустил голову, продолжая свои старания. Наконец Дариус осторожно стянул кольцо с ее пальца и отложил в сторону. Когда он снова поднял голову и посмотрел на Серафину, темный взор его пылал огнем и выражал удовлетворение.

- Тебе удалось, - выдохнула она.

- Не надевай его больше.

- Хо-хорошо. - Принцесса недоуменно распахнула фиалковые глаза.

Он смыл мыльную пену с нежной кожи Серафины, положил кольцо ей на ладонь и мягко сжал ее руку. Шрам в уголке его рта приподнялся, когда Дариус одарил принцессу необыкновенной улыбкой. Эта улыбка была сладкой и горестной, темной и томной... И сердце Серафины растаяло, как воск на огне.

- Оденьтесь, принцесса, и пойдете к вашему отцу. - Прежде чем выпустить из рук ладонь Серафины, Дариус поднес ее к губам.

Она изумленно смотрела, как он закрыл глаза, склонил голову и запечатлел на ее поврежденном пальце жгучий поцелуй.

Серафина вошла в гардеробную, чтобы переодеться, а Дариус вновь надел свою мокрую окровавленную сорочку и вышел в коридор, где приказал лакею найти его адъютанта, лейтенанта Алека Жиру. Он велел передать Алеку, чтобы тот встретился с ним в его покоях в королевском крыле дворца.

Пока Серафина одевалась в соседней комнате, Дариус в распахнутой на груди сорочке мерил шагами ее гостиную.

Минуты, проведенные с принцессой, усилили его решимость, воспламенили новой страстью.

Теперь ему оставалось повидаться с королем, отловить шпионов и поспешить в Милан.

Семь недель назад, узнав от одного из своих доверенных лиц, что французские агенты проникли во дворец, Дариус немедленно покинул Москву. Ему пришлось прекратить расследование дела Анатоля Туринова, но, впрочем, Дариус уже узнал о нем много и не мог больше терять времени.

За долгие недели морского путешествия из России в Асенсьон он обдумал свои планы и смирился с судьбой.

Теперь Дариус знал, как ему поступить. В этом деле руки короля были связаны, но его – свободны.

Он не позволит принести Серафину в жертву ради того, чтобы обеспечить королевству защиту от корсиканского тирана.

Это чудовище Туринов никогда не получит ее.

Вместе с тем Дариус не мог допустить, чтобы на Асенсьон вторглись полчища Наполеона и свергли короля Лазара. Дариус считал себя обязанным защитить своего благодетеля и его королевство, а также принцессу Серафину!.. Ситуация казалась неразрешимой, но у него был припасен на такой случай один магический цыганский фокус. Надо было лишь подобраться к сути проблемы... То есть в Милан.

Дариус остановился посреди комнаты. Глаза его сверкали. Он никому не выдаст свои намерения – ни Серафине, ни даже королю, чтобы не подвергать их опасности.

26 мая, всего за несколько дней до свадьбы Серафины, Наполеон должен был появиться в Милане, чтобы принять железную корону Ломбардии.

Дариус тоже будет там.

Он был ловким дипломатом и отличным шпионом, но в искусстве убивать не имел себе равных – этим даром наделила его природа.

Одним метким ружейным выстрелом Дариус остановит военную машину французов, и тогда исчезнет необходимость в браке Серафины с русским князем.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ!

Дариус не питал никаких иллюзий: подобная миссия не оставляла ему ни одного шанса выжить. Те, кто до него пытался убить императора, кончили жизнь на виселице или были расстреляны.

Но не все ли равно, какой конец его ждет? Это деяние сделает его имя бессмертным, а славная смерть куда лучше жизни, не дававшей ему ни малейшей надежды получить то, о чем он мечтал и в чем видел свое единственное спасение. Дариус не мог взять то, что предлагали ему глаза Серафины, – осуществить несбыточную мечту о невысказанном счастье.

Он был убежден, что сумеет совершить задуманное. Всего одна пуля – и на земле воцарятся мир и спокойствие.

Всего одна пуля – и Серафина будет свободна.

– А вот и я! – весело воскликнула принцесса, прерывая размышления Дариуса.

Он повернулся и увидел выпорхнувшее из гардеробной неземное видение в облаке фиолетового шелка. Принцесса сверкала лучезарной улыбкой. Сердце Дариуса сжалось.

- Туфли, - строго сказал он.

Серафина одарила его проказливым взглядом, надула губки и на миг вернулась в гардеробную. Затем вновь появилась на пороге и покрутилась перед Дариусом.

- Как я выгляжу теперь?

Подавляя улыбку, он окинул ее придирчивым взглядом от изящных туфелек до роскошных черных локонов, небрежно подхваченных лентой.

Если она не стоит того, чтобы умереть за нее, то что же того стоит?!

- Ничего.

Подхватив жилет и галстук, Дариус перекинул их через плечо и, предложив руку принцессе, вывел ее в коридор.

Глава 4

Каблуки его сапог стучали по мраморным плитам коридора, шпоры позвякивали. Рядом тихо шелестели юбки принцессы. Рука об руку они шли по дворцу, и Дариус чувствовал на себе ее изучающий взгляд. Он вопросительно посмотрел в глаза девушки. Лицо его было непроницаемо и холодно.

- Почему ты всегда такой серьезный?

Дариус глубоко вздохнул и попытался уклониться от ответа, но Серафина проявила настойчивость.

- Итак, полковник, как насчет шпионов? Что будет дальше?

Он оглянулся и тихо сказал:

– Мы с вашим отцом соберем небольшой отряд самых опытных и верных людей, чтобы они охраняли вас. Эти люди увезут вас из дворца в укрытие, где и будут держать до тех пор, пока я не переловлю оставшихся пособников Сен-Лорана.

– Куда они меня повезут?

– В безопасное место.

– Где это?

– О, это милый сельский домик с хитроумными укреплениями. Вы будете там в полной безопасности. Считайте это своеобразным отдыхом. Немного поскучаете в деревенской глуши.

– Поскучать в глуши? – Принцесса сморщила прелестный носик. – А друзья смогут навешать меня?

– Нет. Вам придется какое-то время обойтись без своей свиты, – с легкой насмешкой промолвил Дариус. – И вообще, число ваших слуг будет очень ограничено. И никаких животных!

Она нахмурилась:

– Мне это совсем не по душе.

– У вас нет выбора.

– Я с ума сойду от скуки. – Внезапно Серафина внимательно взглянула на спутника: – А ты туда поедешь, Дариус?

Он вздрогнул.

– Э-э... Нет.

– Ты должен поехать, Дариус. Тебе нужно отдохнуть.

- Мне еще надо отловить шпионов, госпожа.

- Хм... - Она с сомнением покачала головой.

Когда они добрались до покоев Дариуса, Алек уже ждал их возле двери.

- Господи, полковник! Что с вами случилось? - вскричал белокурый офицер, увидев окровавленную сорочку Дариуса.

- О, все как обычно, - небрежно ответил тот.

Дариус велел Алеку послать несколько человек в лабиринт, чтобы те убрали тела, а затем отправил его к королю просить о немедленной аудиенции для него и принцессы. Алек отсалютовал начальнику, и Дариус заметил, что он бросил томный взгляд на Жемчужину Асенсьона. Принцесса высокомерно вздернула подбородок. Лейтенант поспешил исполнять приказания.

- Он безобиден, - заметил Дариус, отпирая дверь.

- Благодарю за утешение. Велите ему не глазеть на меня.

Дариус усмехнулся. Едва ли принцессе не нравится, что любой мужчина, увидев ее, становится ее рабом!

- Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь. Если кто-то приблизится к вам, кричите.

Дариус распахнул дверь и с оружием наготове вошел в свои покои. Он всегда был мишенью для врагов и потому не исключал, что в его комнаты уже кто-то проник. Переступив порог, Дариус помедлил, прислушиваясь и принохиваясь, затем бесшумной кошачьей походкой обошел все помещения. Вернувшись к принцессе, он пригласил ее войти и захлопнул дверь.

Конечно, ему не следовало приводить Серафину к себе, но к дьяволу приличия! Дариус решил не спускать с нее глаз, пока все не уляжется. Его величество король меньшего от него и не ждет. А кроме того, это ведь ненадолго, только до тех пор, пока он не разыщет в дорожных сундуках, час назад доставленных с корабля, чистую одежду и не снимет с себя свое залитое кровью рванье.

В покоях было темно. Понимая, что за его окнами наверняка наблюдают, Дариус не стал зажигать свет. Вытащив один из сундуков на середину комнаты, он открыл его и начал рыться в нем, а Серафина тем временем обследовала владения полковника. Легкой танцующей походкой прохаживалась она по скрипучим полам, тихо мурлыча что-то себе под нос.

«Да уж, – иронически подумал Дариус, – она чувствует здесь себя как дома». Для девушки, едва не ставшей жертвой заговора, Серафина выглядела совсем не плохо. Пожалуй, даже беспечно.

«Потому что она знает: со мной ей ничто не угрожает».

Однако Дариус решительно отмел эту мысль, весьма лестную для него. Быстро вытащив накрахмаленную сорочку и новый галстук, он начал переодеваться.

Из другого сундука Дариус извлек жилет и сюртук – разумеется, черные. Его забавляла зловещая роль хладнокровного королевского убийцы, так как это держало на расстоянии других придворных. То ли из-за цыганской крови Дариуса, то ли из зависти, но они презирали его и не доверяли ему. Он это отлично знал. Придворные считали Дариуса расчетливым авантюристом, который когда-нибудь предаст короля. Всякий раз, когда Дариус возвращался домой, они старались уязвить его, привести в ярость, поскольку знали, что он поддерживает новый указ короля против дуэлей и отказывается драться во дворце.

Застегнув жилет, Дариус в темноте отправился в соседнюю комнату. Залитая лунным светом, Серафина стояла около огромной с балдахином кровати и смотрела на его гитару. Инструмент обычно лежал в черном кожаном футляре, но она извлекла его оттуда. Едва девушка коснулась струн, как прекрасная испанская гитара печально и нежно зазвучала.

– Что это вы делаете? – тихо спросил Дариус. Она быстро отдернула руку.

– Ничего.

Закрыв футляр, Дариус сказал:

– Пойдемте. – И бесшумно вышел из спальни. Принцесса последовала за ним. Дариус протянул руку к сюртуку, брошенному на спинку стула, но тут в дверь легонько поскреблись.

В два шага Дариус приблизился к Серафине и жестом приказал ей молчать. Она кивнула. Широко раскрытые глаза принцессы сверкали в лунном свете как аметисты. Беззвучно подкравшись к двери, Дариус положил руку на задвижку. Скребущий звук повторился. Он вытащил из ножен кинжал.

Замирая от ужаса, Серафина напряженно ждала. Однако когда Дариус приоткрыл дверь, она услышала томный женский голос:

– Дорогой!

Глаза Серафины полыхали от гнева.

Дариус смущенно усмехнулся:

– Жюли? Какой сюрприз!

В полоске света, падающего из коридора, принцесса отлично видела, как слились две тени, когда Джулия Калацци бросилась на грудь Дариусу и осыпала его градом поцелуев.

Приникнув к щели в двери, Серафина наблюдала за страстной сценой. Пышная брюнетка в винно-красном бархатном платье одной рукой срывала с Дариуса одежду, а другой притягивала к себе его голову.

«Фу! Видеть этого не могу!» – Серафина брезгливо отвернулась от возмутившего ее зрелища, но при этом невольно слышала все.

– О-о, Сантьяго! Я изголодалась по тебе! – бормотала Жюли между поцелуями. – Впусти меня.

Серафина снова посмотрела в шелку – ее интересовало, как отреагирует на просьбу Дариус.

«Что ж, – подумала она, – надо отдать ему должное. Он ведет себя пристойно. Разумеется, Дариус знает, что я все вижу, и, возможно, поэтому сдерживается».

Между тем Дариус легонько теснил Джулию в коридор, но известная соблазнительница, вероятно, решила, что он всего лишь распаляет ее такой игрой. Она дергала одежду Дариуса, пытаясь снять ее, и кокетливо смеялась над его возражениями.

– Если хочешь, дорогой, мы можем заняться этим прямо в прихожей. Но я предпочитаю твою постель. Можешь снова привязать меня, – добавила она лукаво.

Серафина недоуменно подняла брови. Дариус резко откашлялся и тихо сказал:

– Э-э, сейчас не время.

– Но почему, дорогой?

– Я только что прибыл. Мне надо срочно видеть короля.

– Пусть подождет. Ты нужен мне. Так отчаянно нужен!

Жюли задыхалась, обнимала его, прижималась к нему всем телом... Когда она толкнула Дариуса на косяк больным плечом и налегла на него, Серафина не выдержала.

«Кажется, пришел мой черед спасти его!» – подумала она, отбросив промелькнувшую мысль о том, что Дариус будет недоволен ее вмешательством. Не все ли равно? Сегодня он не достанется божественной Джулии! Вот и все!

– Ты скучал по мне, дорогой? Я так по тебе тосковала. Ты ведь знаешь, я без ума от тебя, – ворковала Джулия, запуская унизанные кольцами пальцы в его шевелюру.

– Что, мужа снова нет в городе? – раздраженно поинтересовался Дариус.

– Он же умер, дорогой. Разве, ты об этом не слышал? Я наконец свободна!

– А, вижу, как ты горюешь. Прими мои соболезнования.

Джулия рассмеялась:

– Милый мой негодник! Как это похоже на тебя – выражать соболезнование по поводу кончины человека, которому ты наставил рога! Успокойся, эта потеря меня не сокрушит. Я всегда прочно стою на ногах. А теперь впусти меня! Мы отпразднуем мое избавление.

– Джулия, право...

Она вновь обвила его руками и, не обращая внимания на возражения, стала целовать в шею.

– О, ты так занят, дорогой! Я понимаю. Расскажи мне обо всем. – Жюли радостно засмеялась.

Серафина осторожно скользнула в глубь комнаты и, пока Дариус преграждал красавице дорогу, сплетая извинения с лестью, тихо прокралась в спальню. Занятый борьбой, Дариус ничего не заметил.

Оказавшись в спальне, принцесса отошла от двери и, с трудом сдержав ехидный смешок, промурлыкала сонным голоском:

– Дариус, любовь моя, возвращайся в постель. Ты мне нужен!

В дверях гостиной разом стихли и мольбы Джулии, и галантные протесты Дариуса.

Потом Джулия потрясенно выдохнула:

– Ублюдок! Кто она такая?

– Да я...

Больше он ничего не сказал, ибо совершенно растерялся.

Серафина прикусила губу, чтобы не рассмеяться. О, как же сладка месть! Она вспомнила тот день, когда наткнулась на них в музыкальной комнате. Неделю потом принцесса не могла прийти в себя!

– Что ж, развлекайся, пес неблагодарный! – злобно прошептала Джулия. – А когда ни одна из твоих прелестных игрушечек не захочет или не сможет удовлетворить твои извращенные прихоти, ты приползешь ко мне. На коленях!

«Извращенные прихоти?» – удивилась Серафина.

– Но обещаю тебе... Я выясню, кто она, и уничтожу ее!

– А тебе не кажется, дорогая, что ты принимаешь это слишком близко к сердцу? – спокойно осведомился Дариус. – Я никогда ничего тебе не обещал.

До Серафины донесся звук пощечины, и на миг она замерла в темноте, пораженная и растерянная.

Джулия дала Дариусу пощечину!

Она посмела ударить по щеке ее благородного, храброго раненого рыцаря!

В ярости принцесса выскочила из своего укрытия и бросилась к двери, горя гневом и жадой мести. Дариус как раз закрывал дверь, и Серафина попыталась проскользнуть мимо него. Но он схватил ее за талию.

– О нет, дикий котенок, никуда ты не пойдешь. – Она продолжала рваться к дверной ручке.

– Пусти меня! Я догоню ее! Как она смеет бить тебя? Она разбередила твое плечо! Я все видела...

– Ваше высочество, вам не следовало подсматривать. – Дариус с трудом удерживал неистовствующую принцессу. – Вы только что превратили мою жизнь в ад. Вам незачем было вмешиваться в мои...

- Извращенные прихоти?

Серафина услышала, как он прерывисто вздохнул.

- Ты и вправду привязывал ее? Зачем?

- Серафина!

- Так интереснее? О, я шокировала вас. - Она злорадно рассмеялась.

Дариус выпрямился в полный рост, порывисто одернул одежду, поправил галстук и сюртук, провел ладонью по растрепанным волосам.

- Ваш отец, должно быть, ждет нас, ваше высочество.

Принцесса удовлетворенно фыркнула: в его голосе звучало сердитое бессилие.

- Вы очень довольны собой, не так ли? - пробормотал Дариус, вынимая из кармана платок и стирая с лица вишневые отпечатки губ Джулии.

- Да! Вот здесь вы пропустили еще один! - Серафина взяла у Дариуса платок и, ухватив его за подбородок, вытерла последний вишневый след, затаившийся в уголке рта. - А что касается вас, полковник... Я потрясена, что вы ухаживаете за замужними дамами! - Серафина вернула ему платок и сурово заметила, скрестив руки на груди: - К вашему сведению, Джулия Калацци - злобная интриганка. Право, вам следовало бы проявить больше вкуса...

Надменно тряхнув головой, Дариус отбросил со лба черный локон.

- У нее красивое тело, и она всегда не прочь попробовать что-нибудь новенькое.

Принцесса вспыхнула:

- Не говорите мне таких вещей!

– Вы сами начали этот разговор, – возразил Дариус. – В любом случае так уж получилось, что Джулия отлично знает всех мужчин при дворе. Поэтому она весьма полезна.

– Ах, так вы дарили ей свою благосклонность в обмен на нужные вам сведения! Какая расчетливость! И какая бесчувственность! Я-то думала, что вы влюбились в нее.

Дариус пренебрежительно фыркнул.

– Но она явно влюблена в вас, – настаивала Серафина.

– Такие женщины, как Джулия, не влюбляются.

– Откуда такая уверенность? Я на вашем месте была бы с ней поосторожнее. Я видела, что проделывает Жюли со своими врагами.

– Что ж, поздравляю. Теперь она хочет уничтожить вас. – Дариус насмешливо поклонился.

– Я вся трепещу, – иронически отозвалась Серафина. Он взял ее за руку и потянул к двери:

– Идете, дьяволенок. Что вы можете ей сделать? Дадите в челюсть?

– Возможно, – бросила она, немного обогнав его.

В этот момент Серафина решила, что если уж ей необходим защитник на ближайшие несколько недель, то она, как наследная принцесса, потребует самого лучшего.

Ей годится только Сантьяго.

Серафина не сомневалась, что убедит отца в правильности такого решения.

«Да, – мрачно размышляла она. – Папе придется на этот раз поискать для своих неприглядных дел кого-нибудь другого. Дариус устал, он ранен. Он никогда не думал о себе. С такой ужасной раной нечего ему гоняться за шпионами. Надо, в конце концов, кому-то позаботиться о нем, а то он совсем себя погубит».

Серафина решила, что даже если ей придется обвести отца вокруг пальца, Дариус отправится в убежище вместе с ней.

Внутреннее чувство подсказывало девушке, что это вопрос жизни и смерти для них обоих. Поодиночке им не выжить.

Джулию Калацци все еще трясло, когда она спряталась в нишу неподалеку от тускло освещенного мраморного холла перед покоями Сантьяго. Прижавшись к стене, она запрокинула голову, закрыла глаза и постаралась успокоиться. От адской ярости сердце стучало как бешеное. Она узнала этот хриловатый голос.

Теперь, когда Джулия, пусть и с опозданием, сообразила, кто был в спальне с Дариусом, она испытала и облегчение и тревогу. Позвать Дариуса в постель могла лишь эта маленькая ведьма. Принцесса просто хотела поиздеваться над ней. Но Джулия прекрасно знала, что Сантьяго никогда и пальцем не коснется драгоценной королевской дочки.

«Нет, во дворце творится что-то неладное», – решила графиня. Интересно, какие несчастья заставили Сантьяго столь поспешно вернуться домой? Филипп Сен-Лоран? Орсини? Она знала о них все.

«Ладно, – подумала Джулия. – Утешительно по крайней мере сознавать, что Дариус, видимо, всего лишь исполняет свой долг, как всегда, охраняя ее высочество. Но почему, черт возьми, никому никогда не приходит в голову защитить меня?!»

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Джулия Калацци твердо сделала ставку на неуловимого красавца с жестоким сердцем, правую руку короля Лазара, – Дариуса Сантьяго. Весь двор не сомневался, что если кому и удастся заарканить его, то, конечно, божественной Джулии.

Ее не заботило, что подруги преследовали Дариуса и назначали ему свидания, потому что провести ночь в его объятиях было мечтой каждой шлюхи. Все знали, что он потрясающий любовник, хотя немногие могли похвалиться тем, что разделили с ним наслаждение, но все признавали: только Джулия способна потягаться с ним в хитрости и изворотливости, не уступая ни на йоту.

Одно лишь мучило графиню: по мере того как она жалась с ним все теснее – а близко к себе Сантьяго не подпускал никого, – Джулия все яснее понимала то, о чем до сих пор никто не догадался. И это обрекало на неудачу ее тщательно продуманный план... Дариус был насмерть сражен избалованной черноволосой красоткой, дочерью короля.

Все еще не успокоившись, Джулия поморщилась: не следовало злить его... Она не могла этого себе позволить... Пощечина обойдется ей слишком дорого. В буквальном смысле слова. Лицо Джулии омрачилось при мысли об ожидающих ее материальных трудностях.

Муж скончался, не оставив ей ничего, кроме долгов из-за бездарных инвестиций, но она поклялась себе накинуть узду на шею Сантьяго, и тогда все ее тревоги закончатся.

Мало кто знал о том, что Дариус богат, поскольку он был равнодушен к роскоши. Между тем, как доверенное лицо короля, а также многих знатных иностранцев, он владел еще и компанией морских перевозок. Все это и разнообразные политические маневры позволили ему составить огромное состояние. Еще менее известен был тот факт, что после смерти отца он стал графом Дариусом Сантьяго, владельцем обширных поместий и виноградников в Андалузии.

Даже король не подозревал об этом. Джулии не удалось выяснить только то, почему Дариус отказывался принять титул.

В одном Джулия не сомневалась: когда он станет ее мужем, она заставит его принять все ему причитающееся. Иначе что скажут люди? Божественная Джулия вышла замуж за простолюдина?!

Услышав какой-то звук в глубине коридора, она заглянула за угол и увидела, что дверь в комнаты Дариуса отворяется. Как только он появился, Джулия поспешно попятилась, продолжая украдкой наблюдать за ним. Дариус огляделся. Его

движения были грациозны и бесшумны, как у пантеры.

Господи, как же не хватало ей этого мужчины! Любовника с руками гитариста и душой поэта. В свое время Джулия изучила до мельчайших подробностей это великолепное литое тело, но потом отношение к ней Дариуса изменилось... после того, как ее королевское совершенство нарвалось на них в музыкальной комнате, когда они занимались любовью. С тех пор Дариус проявлял к Джулии как бы вынужденную галантность. Иногда он даже избегал ее!..

Тем временем Дариус открыл дверь комнаты пошире и вывел оттуда Серафину.

В тот же миг страсть графини сменилась враждебностью. Она стиснула зубы, видя, как весело они переговариваются, как сияет прекрасная принцесса, глядя на Дариуса, как вспыхивают нежным румянцем ее щеки... хотя со всеми другими мужчинами Серафина держалась надменно и холодно.

Джулия стиснула кулаки, заметив, как неотрывно следят бархатные черные глаза Сантьяго за каждым движением его юной спутницы.

Черт возьми!

Они просто упиваются друг другом... Кровь Джулии вскипела. Она с горечью задумалась о том, зачем они вообще покинули спальню.

Но нет, нет! Синьора Совершенство чиста, как свежесвыпавший снег.

«Ну, об этом-то Анатолий наверняка позаботится», – криво усмехнулась Джулия.

Молодые люди проследовали к пересечению коридоров. Оба черноволосые, оба изумительно сложенные, напоминающие пару прекрасно подобранных коней. Скрестив на груди руки, Джулия молча наблюдала за ними. Она отвернулась, лишь когда они скрылись из виду.

Графиня понимала, что пока принцесса рядом с Дариусом, ей не удастся привлечь его внимание. Дьявольщина, да она могла бы хоть сейчас лечь с ним в постель, однако и там все равно думал бы об этой девчонке. Такое случалось и раньше. У Джулии не было иного выбора, как ждать своего часа. Ждать, пока

Анатоль увезет Серафину в свои далекие края.

Подкрашенные губы Джулии скривились в холодной усмешке, когда она подумала о русском князе. Как забавно! Славный герой войны проделал долгий путь из России сюда, дабы покорить принцессу, остался в Асенсьоне в ожидании завершения всех формальностей помолвки и брачного союза, но Джулия быстро выяснила, что именитый жених столь же подвластен соблазнам, как и любой другой мужчина.

Отойдя от стены, она крадучись направилась прочь. С необычайным удовольствием припомнила Джулия эту мелкую месть Серафине. Как и на поле битвы, в постели Анатоль, этот золотоволосый зверь, был настоящим завоевателем.

Когда Дариус и Серафина подошли к небольшому залу, в котором король созывал обычно свой тайный совет, Сантьяго распахнул перед принцессой дверь. Девушка вошла в отделанную дубовыми панелями комнату, но та оказалась пуста: отец еще не появился.

Серафина подошла к одному из двух кожаных кресел, стоявших перед массивным письменным столом, и опустилась в него. Дариус плотно закрыл дверь и направился к ней.

– Ваше высочество?

– Когда вы перестанете так называть меня? Вам никогда не приходило в голову, что мне ненавистно быть принцессой? – осведомилась она. – Так в чем дело?

– Я лишь хотел сказать...

Серафина удивленно подняла глаза, не понимая, почему у него такой напряженный тон.

– Я слушаю, – мягко сказала она.

– Спасибо, что наложили швы.

Серафина улыбнулась:

- Всегда к вашим услугам, Сантьяго.

- Не бойтесь шпионов. Хорошо? Я обо всем позабочусь.

- А кто позаботится о вас?

Он ткнул себя в грудь.

- Ну конечно. - Серафина потупилась. - Разумеется, вы сами.

- Нет, - возразил Дариус, - разве вы не помните, что я ношу тот самый образок? С Богородицею.

Она подняла глаза, пораженная этим напоминанием. В темных глазах его светилось нечто такое, от чего сердце девушки забилося гулко и часто. Она не сводила с него глаз. Встав у нее за спиной, Дариус осторожно потянул за кончик ленты, которой она подхватила волосы. Белая атласная полоска легко развязалась.

- Я украду ее у вас, - прошептал он ей на ухо. Запрокинув голову на спинку кресла, Серафина улыбнулась с томной негой.

- Берите у меня все, что хотите.

- Вам не следует делать мужчинам такие предложения.

- Не мужчинам, а одному мужчине, - возразила принцесса.

Дариус отвел глаза, словно обдумывая ее слова, затем легко погладил Серафину по волосам, пропуская их сквозь пальцы.

- М-м...

Она зажмурилась. Пальцы его нежно скользили в ее локонах. Сердце девушки бурно откликнулось на эту ласку. Никогда раньше Дариус не касался ее так. Голова принцессы закружилась. Все вокруг поплыло.

- Мне нравится, когда твои волосы распущены, - пробормотал он, перебирая шелковистые пряди.

- Значит, так будет всегда, - выдохнула она. Закрыв глаза, Серафина наслаждалась прикосновениями Дариуса. Она сидела не шевелясь, затаив дыхание, пока он нежными скользящими касаниями изучал ее плечи и ласково водил кончиками пальцев по ключицам и глубокой ямке между ними...

Сладкая истома завладела принцессой. Тем же умелым касанием Дариус прошелся по изгибу ее шеи и вновь погрузил руки в роскошные волосы.

- Как они прекрасны! - прошептал он.

- Дариус, неужели ты заигрываешь со мной? - мечтательно протянула она, словно купаясь в дурмане.

- Ну что ты, дитя! - пробормотал он. - Это было бы против правил.

В этот момент дверь в дальнем конце зала распахнулась, и они услышали шумное и радостное, как летняя гроза, приближение короля, на ходу отдававшего какие-то распоряжения придворному.

Дариус свернул белую ленту и, сунув ее в карман, быстрым шагом пересек полутемную комнату. Там он обернулся и, прислонившись к книжному шкафу, застыл в небрежно элегантной позе.

Напряженно всматриваясь в принцессу, Дариус произнес:

- Приятно было повидать вас снова.

- Вы говорите это так, словно прощаетесь.

- Так и есть, - тихо отозвался Дариус, и его глаза вспыхнули в полумраке.

– О! И куда же вы отправляетесь? – Крепко сцепив пальцы, она ожидала его ответа.

Но он молчал.

– О, конечно же! Высшая государственная тайна... Как обычно! Знаете ли, Сантьяго, вы поистине самый обаятельный лицемер.

– Почему вы так называли меня?

– Вы полагаете, что скоро отделаетесь от меня. Только поэтому и позволили себе прикоснуться ко мне.

– Забудьте об этом. Это было ошибкой. Просто... помните обо мне. И будьте счастливы. Больше я ничего не прошу.

– Как? – безрадостно засмеялась она. – Скажите, Дариус, как мне стать счастливой? А еще лучше – покажите мне это. Вам представится такая возможность, пока мы будем отсиживаться в убежище.

– Что это вы задумали? – Оглянувшись на дверь, Дариус устремил на принцессу сверкающий взгляд.

– Я хочу вознаградить вас за преданность, угодно вам это или нет. Вы нуждаетесь в отдыхе, Дариус. У вас очень глубокая рана.

– Нет, не нуждаюсь. И мое решение окончательно!

– Вы заблуждаетесь, – усмехнулась Серафина. – Это будет так великолепно!

– Это невозможно! На мне лежит огромная ответственность, Серафина...

– О да! Все печали мира. Бедняжка!..

– Я не допущу, чтобы вы вмешивались в мои дела!

– Кому-то надо позаботиться о вас, если вы сами не делаете этого. А поскольку вы ранены по моей вине... я чувствую свою ответственность.

– Чепуха! Я всего лишь выполнял свою работу.

– Что ж, возможно, в таком случае моя работа – это забота о вас.

– Я не могу поехать с вами. Вы понятия не имеете, что поставлено на карту! – гневно прошептал Дариус.

– Я отлично знаю, что поставлено на карту! – возмущенно возразила принцесса. – Именно мне придется платить по счетам. Не так ли? Но у меня еще осталось немного свободы, и я использую ее так, как мне хочется... с тем, с кем хочу. – Скрестив руки на груди, она устремила на него обиженный взор. – Я – дочь короля, и вы не смее приказывать мне, как поступать.

– Серафина...

Она заметила, каким свирепым стал его взгляд.

– Не вмешивайтесь. Понятно? Я нужен в другом месте. Всё на грани кризиса...

– У вас всегда кризисы, – скучающим тоном промолвила она. – Пусть в этот раз им займется кто-нибудь другой. Неужели слава неизменно должна доставаться вам? Дайте шанс другому.

– Я вовсе не стремлюсь стяжать славу! Я просто хочу, чтобы эта работа была исполнена как должно!

– Так все и будет, дорогой мой! Вы отказываетесь думать о себе, так что мне остается сделать это за вас. Неужели вам так претит мысль провести время со мной? Это ведь для вашего же блага.

Дариус прищурился:

– Все это из-за Джулии, не так ли? Обычная ревность. Я не принадлежу вам. Вы не имеете на меня никаких прав!

Пристально посмотрев на него, Серафина опустила глаза. Дариус может сопротивляться и кипеть от ярости. Но она не отступится.

Видимо, до Дариуса дошло, что она обиделась. Он медленно приблизился к письменному столу и встал перед принцессой.

- Не поступайте со мной так. Неужели вы не видите, что все это несбыточно?

- Не понимаю, почему вы возражаете?

- Вы и я? - гневно прошептал Дариус. - Запертые вместе, затерянные в глуши? Вы представляете себе, куда это... что может...

- Что может случиться? - закончила она за него. - Полагаю, все что угодно. Возможно, мы наконец снова станем друзьями. Или убьем друг друга. Не знаю. А если мне повезет, в вас пробудится желание связать меня или привязать... - Серафина украдкой посмотрела на него и улыбнулась лукаво и насмешливо.

Дариус был ошеломлен ее словами. Его суровый мрачный взгляд испугал бы принцессу, но король уже направлялся к ним.

- Ты не сделаешь этого, - бросил Дариус.

- Сделаю, - уверенно возразила Серафина.

В бессильном гневе Дариус повернулся и широким шагом пошел прочь от нее.

- Мой ответ «нет», и он окончательный! Предупреждаю тебя: никаких фокусов!

- Папа уже идет сюда, Сантьяго. Не заставляй меня прибегать к шантажу, - сладким голосом сказала она. - Кажется, у тебя в кармане моя белая лента?

Глаза его сузились от ярости.

- Ах ты, маленькая предательница!

– Всему, что я знаю, меня научил ты, – ответила Серафина с ангельской улыбкой, накручивая на пальчик черный локон.

Глава 5

«Не может она сотворить со мной такое!» – с отчаянием думал Дариус, прекрасно понимая, что еще как может. Если он станет возражать королю слишком рьяно, это покажется неразумным и даже подозрительным.

– Предупреждаю тебя! – прошептал он, зная, что попусту тратит слова.

В этот момент дверь громко хлопнула и в зал вошел покровитель Дариуса, его величество король Лазар ди Фиори, отважный и опытный воин. Его черные волосы серебрились на висках. Мощное тело заполняло весь дверной проем. При виде Дариуса на его грубоватом загорелом лице сверкнула пиратская ухмылка.

– Привет! – прогремел он и звучно захохотал.

Когда король появился в комнате, та словно уменьшилась в размерах. Властная магнетическая личность Лазара заполняла собой все пространство. Дариус коротко, совсем не по протоколу, поклонился, но король сжал его в дружеском объятии, весело хлопнув по раненому плечу. Дариус поморщился.

– Папа, какой ты неуклюжий! Будь осторожнее: он ранен.

Лазар отпустил Дариуса и вопросительно посмотрел на дочь.

– А, вот и ты! Где, черт возьми, ты была? Немедленно отправляйся в бальный зал, иначе твоя матушка совсем изведется. Она разыскивает тебя уже два часа. Знаешь. Стрекозка, ведь в самом деле неприлично удирать с бала, который дают в твою честь. Как бы скучен он ни был. – Лазар снова взглянул на Дариуса: – Ранен, она сказала?

Дариус усмехнулся:

– Обычная царапина.

Лазар одобрительно ухмыльнулся: бравада его любимца ему нравилась.

– Перед тобой чистая сталь, девочка моя. Не сомневайся! Что заставило тебя вернуться раньше срока? – обратился к Дариусу король. – Я думал, ты все еще сопровождаешь спутников Туринова.

Серафина настороженно взглянула на Дариуса.

– Сир, – мягко сказал он, – может, вам лучше присесть?

Лазар вскинул голову, и его темные пронзительные глаза прищурились.

– Дьявольщина! Что еще случилось? – Усталой походкой он прошел за письменный стол, задержавшись у широкого окна, потом опустился на стул и утомленно потер глаза. – Ладно, – сказал он. – Бей наотмашь.

– Французские шпионы проникли во дворец и сегодня вечером пытались похитить ее высочество. Примерно полтора часа назад.

Король удивленно уставился на Дариуса, и его обветренное лицо потемнело от ярости. Он повернулся к дочери:

– С тобой все в порядке?

– Все хорошо, – ответила она. – Благодаря Сантьяго.

– Что произошло? – грозно осведомился Лазар. Дариус вкратце рассказал о событиях вечера. Когда он закончил свой отчет, Лазар посмотрел на дочь, поднялся из-за стола, подошел к Серафине и крепко обнял ее.

Дариус стоял поодаль, ощущая неловкость от столь открытого проявления чувств.

– Сир, ее высочество следует отвезти на виллу д’Эсте и строго охранять. А я тем временем постараюсь выловить остальных членов заговора Сен-Лорана...

– Минуточку, парень, – пробормотал король. – Дай мне сначала как следует рассмотреть мою дочь.

Серафина судорожно обняла отца и вдруг расплакалась. «Ну разумеется, – подумал Дариус, – простое прикосновение. Вот что было ей нужно, когда она разрыдалась там, в дворике лабиринта!» Дариус догадался об этом, но не посмел утешить принцессу: побоялся рискнуть. Он опасался что, заключив ее в объятия, обязательно поцелует... а если поцелует, то начнет ласкать, пока она не пригласит его к себе... И тогда уж он точно не остановится. Возьмет ее и отдаст ей всего себя. Он будет счастлив раствориться в ней... и будь что будет! К черту последствия!

О нет! Ни в коем случае нельзя поручать ему охрану принцессы. Дариус дрожал как в лихорадке. Ведь Серафина уже не скрывает, что хочет его... так же, как больше не скрывает слез.

«Возьми у меня все, что хочешь». Как она это выговорила!

Дариус уже почти не помнил, какие жалкие отговорки приводил ей, но как он мог открыть принцессе всю грустную правду о том, почему отказался от ее более чем заманчивого предложения? Даже неудержимое стремление покончить с Наполеоном не более чем самообман. Да, Дариус мог покойно отложить исполнение задуманного на неделю.

На самом деле он просто боялся того, что могло случиться. Серафина начнет ласково заботиться о нем, ухаживать за ним, убаюкивать своей нежностью, пока он не перестанет защищаться и не откроет ей душу и тело... а когда принцесса узнает, каков Дариус на самом деле... когда заглянет в него глазами женщины, а не ребенка и увидит, что он, в сущности, ничто... Она тогда не будет обожествлять его. Если это произойдет!.. «О нет, Господи, если это случится, то лучше мне было бы совсем не рождаться на свет!»

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – услышал он конец ласковый вопрос Лазара.

Серафина шмыгнула носом.

– Да, папа. Теперь мне лучше. Правда. Просто, когда Дариус рассказывал, я снова... Прости.

Дариус продолжал расхаживать в стороне, но, услышав свое имя, остановился.

– Папа, Дариус проявил такую храбрость! Видел бы ты его! Если бы он там не оказался... Но он оказался... как всегда! А теперь у него ужасная резаная рана, а Дариус о ней даже не упомянул! Он стремился лишь к тому, чтобы я осталась невредимой. Дариус самый лучший, самый храбрый, самый благородный человек на свете!

На миг у него перехватило дыхание. Слова принцессы пронзили Дариуса насквозь, как серебряный клинок... С неистово бьющимся сердцем он украдкой посмотрел на короля и принцессу.

– Я все это знаю, доченька.

– Папа, мне известно, что ты собираешься послать кого-то охранять меня, но, пожалуйста, пусть со мной поедет Дариус! Если его не будет рядом, страх не покинет меня.

Дариус затаил дыхание в ожидании ответа короля.

– Ну конечно, котенок, – ласково отозвался Лазар, целуя дочь в лоб. – Мне и в голову бы не пришло доверить тебя кому-то другому.

Дариус замер: душа его переполнилась волнением, мукой, смиренным восторгом. Как может он воспротивиться такой трогательной мольбе? Не может! Снова Серафина победила его своей нежностью.

Через несколько минут Дариус получил королевский приказ.

Гордость все же заставила его возразить.

– Сир, ведь принцессу сможет охранять любой. Как только мы увезем ее из дворца, опасность станет ничтожной. Кто же будет ловить шпионов?

– Не знаю. Возможно, Орсини.

– Орсини? Эта толстая свинья? Он такого натворит...

– Не так уж он и плох. Тебя я использовать не могу, – ответил король, явно позабавленный возражениями Дариуса. – Шпионы ведь знают, что ты здесь, и будут ждать именно тебя. Я должен натравить на них того, кого им в голову не придет заподозрить. И потом ты уже избавился от Сен-Лорана, судя по твоим словам, самого опасного из них.

– А если они пришлют еще людей?

– Я учел и это. Если они попытаются последовать за принцессой, ты сумеешь дать им отпор.

– Если вы позволите мне заняться ими, они проживут так мало, что не успеют последовать за ней. Но Орсини!.. – презрительно фыркнул Дариус.

– Ты, кажется, не понял. – Лазар осторожно хлопнул его по плечу и отечески улыбнулся: – Не могу же я поручить ее Орсини! Теперь до тебя дошло?

Дариус молчал, осознав неумолимость логики короля.

– Когда-нибудь, Дариус, у тебя тоже будут дети. И если не хочешь сойти с ума, моли Бога, чтобы Он не послал тебе красивых дочерей. Ты единственный в королевстве, кому я могу спокойно доверить Серафину.

– Да, сир, – пробормотал Дариус упавшим голосом, чувствуя, что петля у него на шее сжимается. «Что ж, – подумал он, покоряясь, – придется не обращать на принцессу внимания. Держаться с ней холодно. Замкнуться. Вести себя отчужденно».

Господи, да в этом он давно стал настоящим профессионалом.

Дариус заметил, что Серафина наблюдает за ним. А король между тем наклонился к его уху.

– А когда разыщем всех французских ублюдков, мы вырвем их проклятые глотки. Они перешли грань, посягнув на мою дочь. Господом Богом клянусь! Я с ума сойду от злости. Моя дочь! На кого они подняли руку?!

– Сир, не забывайте: это ведь просто политика. Тут нет ничего личного. В любом случае она дочь своего отца, настоящий боец. Принцесса держалась храбро, сохранила хладнокровие и показала, что достойна своего рода.

– Да. Она такая, моя девочка, – кивнул король и, посмотрев на Серафину, процедил сквозь зубы: – Ты смотри за ней получше.

– Жизни не пожалею, сир!

Король кивнул. Поскольку короткое совещание закончилось, Дариус покинул отца и дочь, чтобы сделать необходимые приготовления к отъезду. В первую очередь он собирался разыскать Орсини, начальника королевской службы безопасности, и ввести его в курс дела. Перед тем как уйти, он с изысканной учтивостью поклонился королю и принцессе.

– Благодарю вас, – многозначительно сказала Серафина, проникновенно глядя ему в глаза.

Она постаралась не выказать своего торжества.

– Ваш покорный слуга, госпожа моя, – отозвался Дариус, но украдкой от короля бросил ей самый суровый и сердитый взгляд.

– Только посмотри на него! Какая же ты счастливица! – вздохнула Эль, впиваясь жадным взором в Дариуса.

Никто не называл ее настоящим именем Элизабет. Эта высокая длинноногая рыжая и зеленоглазая красotka не имела никаких понятий о морали. Однако Серафина обожала ее за дерзкую бесшабашность.

- Он просто источает сексуальность, - возбужденное прошептала Эль.

Прошел всего час, а у потайного входа уже стояла карета без гербов, готовая умчаться принцессу в скрытое от всех убежище. Под романскими арками тускло освещенного бокового холла Серафина прощалась с двумя лучшими подругами, а Дариус чуть поодаль тихо разговаривал с ее родителями.

Он строго-настрого наказал Серафине никому не рассказывать ни о том, что произошло в лабиринте, ни о том, куда они направляются. Но ей так хотелось облегчить душу, делившись с подругами пережитым ужасом!

- Поверить не могу, что твои родители доверяют ему: он ведь просто дикарь, - проговорила Кара, заморожено наблюдая за Дариусом.

В глазах ее светились страх и восхищение. Девятнадцатилетняя Кара, миниатюрная голубоглазая блондинка, была самой младшей, но и самой уравновешенной из их неразлучной троицы.

Ранее Серафина прилагала усилия, чтобы свести Кару с Филиппом Сен-Лораном, но после всего случившегося нынче вечером испытывала глубокое облегчение от того, что ее попытки не удались.

Филипп проявил было вялый интерес к Каре, но та, прогулявшись с французом по саду, доложила потом Серафине и Эль, что находит его слишком дерзким, надменным и льстивым.

Вновь повернувшись к Серафине, Кара озабоченно спросила:

- Неужели твоя мать не посылает с тобой компаньонки?

- Ну, сейчас уже поздно. А утром мама пообещала подыскать кого-нибудь. Правда, отец велел ей не беспокоиться по этому поводу.

- Не беспокоиться? - удивилась Кара, широко раскрыв большие голубые глаза.

– Родители полностью доверяют Дариусу. Он и раньше охранял меня, так что это вполне разумно. Кроме того, если бы они усомнились в его чести, он был бы смертельно оскорблен.

– Я знаю, что их величество верит ему, но, дорогая, – настаивала Кара, – подумай, что скажут люди?

– Что нам за дело до этого? Пусть говорят что хотят! – беззаботно фыркнула Эль, рассеянно поправляя принцессе рукав. – Люди так глупы.

– Никто об этом не узнает, – пояснила Серафина. – Мама скажет, что я отправилась погостить к моей старой тетке Изабелле, которая так слаба и больна, что не может приехать в город на мою свадьбу.

– Но твоя матушка могла бы послать с тобой кого-либо из своих фрейлин, – нахмурилась Кара.

– Дариус этого не потерпит – он сказал, что пока враги, притаившиеся среди нас, не разоблачены, никому нельзя верить. Кроме того, по мнению Дариуса, женщины станут отвлекать его мужчин от дела.

– Его мужчин! Ха! Скорее самого Сантьяго, потому что, говорят, он переспал со всеми! – ехидно прошептала Эль, сверкая зелеными глазами.

– Вовсе нет! – возразила Серафина. – Просто не нужны лишние люди, которых тоже придется охранять. Послушайте, мне пора ехать, – сказала она. – Кажется, мы поговорили обо всем? Надеюсь, между нами не осталось никаких недоразумений?..

– Не беспокойся, все хорошо, – заверили Серафину подруги.

Обнимая их, принцесса радовалась, что помирилась с ними после ссоры на балу, происшедшей несколько часов назад. Серафину все еще мучила мысль о том, что, возможно, они такие же, как все: не настоящие подруги, а приятельницы, которые ценят ее лишь за королевский титул и считают, что близость к ней повышает их статус. Серафина попросила их на балу поехать с ней в Москву, чтобы она чувствовала себя там увереннее. Но обе они уклонились от

предложения под благовидными предлогами.

- Нам очень жаль, - объяснила Кара, - но сделать этого мы не сможем. Как я покину свою семью?

- А мне здоровье не позволяет, - объяснила Эль. - От холода я всегда заболеваю. Я умру в этих снегах... если только не найдется мужчины вроде твоего Анатоля, который согревал бы меня, - закончила она на шутливой ноте.

- Можешь воспользоваться им, - сухо отозвалась Серафина. - Что ж, нельзя так нельзя. Эта мысль случайно посетила меня. Я не в обиде.

- Это правда? - мило улыбнулась Эль.

- Да.

- Не понимаю, что тебя не устраивает в этом золотоволосом боге, за которого ты выходишь замуж? - пожала плечами Эль. - Он само совершенство. Кроме того, Анатолий богат, знаменит...

- И бо?льшую часть времени будет проводить на войне, - заметила Кара.

- Она права, - кивнула Эль. - Но если он тебе и в самом деле не нравится... ты легко разрешишь эту проблему...

- Что ты имеешь в виду? - нахмурилась Серафина.

- После замужества возьми в любовники его. - Эль посмотрела на Дариуса и расхохоталась. - А почему бы нет? - прошептала она. - Это же самое простое решение. Конечно, у тебя должен быть любовник. У всех элегантных дам есть любовники.

Серафина с трудом овладела собой.

- Боюсь, дорогая, Россия не похожа на Италию. Там мужчины еще не привыкли к подобным вещам.

Принцессу предупредил об этом сам Анатолий.

- Ничего сложного: тебе просто придется делать это украдкой.

Шокированная и смущенная, Серафима рассмеялась:

- Ох, Эль! Ты такая проказница! Как я буду жить без тебя? - Она порывисто обняла подругу.

- Серафима! - внезапно позвала ее мать.

- Иду! - откликнулась она и печально обратилась к подругам: - Не забывайте навещать Кви-Кви и Бьянку. Пишите мне!

- Где ты будешь? Вдруг понадобишься нам, - спросила Кара. Не привыкнув скрывать что-либо от них, Серафима чуть не сказала, куда едет, но вдруг заметила настороженность в голубых глазах Кары и вспомнила предостережения Дариуса.

- В какой-то сельской лачуге. Я толком не знаю.

Серафима укорила себя за недоверчивость. Ей, наверное, показалось, что Кара слишком заинтересована местом ее пребывания. Ведь вот сейчас Кара смотрела на нее с нежной озабоченностью.

- Если не можешь взять с собой компаньонку, я готова отправиться с тобой. Я соберусь через несколько минут...

Серафима ласково сжала ей руку.

- Спасибо, я хотела бы этого, но Дариус очень строг. Он говорит, что это слишком опасно.

- Серафима! - Королева направилась к подругам.

– Ладно, пора убираться отсюда, – смущенно пробормотала Эль, прекрасно зная, что королева стала относиться к ней неодобрительно после того, как несколько месяцев назад она соблазнила кронпринца.

Очаровательный Рэйф бахвалился этим направо и налево, но как только об этом прослышала королева, сник и поджал хвост. Серафине пришлось вступиться за подругу, чтобы ту не изгнали из Белфорта и разрешили по-прежнему общаться с принцессой.

А вот Кара лучезарно улыбнулась королеве и направилась к ней. Серафина часто думала о том, что Кара была бы идеальной дочерью для матушки: они обе такие благодетельные!

Эль быстро чмокнула Серафину в щеку.

– Береги себя, – прошептала она и растворилась в полумраке холма.

Кара обняла принцессу.

– Доброго пути, дорогая, – промолвила она и также поспешила удалиться.

Серафина осталась с матерью и, с нежностью любясь ею, подумала, что если и есть на свете что святое для нее, избалованной, ленивой и сумасбродной, это Аллегра. Конечно, находясь с подругами, она могла подшучивать над пристрастием королевы к благотворительности и «добрым делам», но в глубине души питала к ней уважение, почти благоговение.

Тридцативосьмилетняя королева Аллегра ди Фиори была личностью сильной, но умеющей сострадать. Ничто не удивляло Аллегру, и, как поняла Серафина с самых ранних лет, ей было невозможно солгать. Она никогда не повышала голос, но не было для ее детей наказания сильнее, чем увидеть разочарование на прекрасном лице Аллегры. Это страшило их куда больше, чем выговоры гувернанток. При этом на высших чиновников разочарованное выражение лица королевы действовало так же, как на ее близких и родных.

Особое очарование ее неувядающей красоте придавали золотистые веснушки. А легкая седина, тронувшая темно-рыжие волосы, только смешила ее. Походка

королевы, которая была на сносях, оставалась легкой и плавной. Словом, Аллегра воплощала в себе все то, что, по мнению ее дочери, не было дано никому другому: грацию, мудрость и уверенность в себе. Она была ангелом, но ангелом сильным и, по словам короля Лазара, лучшим даром Господа Асенсьону за последние семьсот лет.

«Нет, – подумала принцесса, – я больше похожа на отца: своенравная, хитрая, упрямая и гордая». Даже цвет глаз Серафина унаследовала от отца. Она слышала, будто фиалковый цвет глаз появлялся в королевском роду лишь раз в несколько поколений.

Королева, обняв дочь, улыбнулась ей нежно и ободряюще.

– Пойдем, дорогая. Ты не очень напугана?

– Нет, мама.

Они направились к двум высоким смуглым мужчинам. Королева остановилась, когда Дариус закончил говор с Лазаром, и снова обняла дочь. Склонив голову на плечо матери, принцесса смотрела вдаль, размышляя о том, не совершила ли роковую ошибку, навязав себя Дариусу.

«Ну и пусть! – мстительно подумала она. – Теперь ему некуда деться. Придется потерпеть».

За последний час ее защитник проявил невероятную проворность. Он уже выслал вперед слуг подготовить тайное убежище в сельской глуши и проверить его надежность. Им придется провести там следующую неделю или оставаться до тех пор, пока не выловят всех шпионов. Посетив покои принцессы, Дариус своей невозмутимой улыбкой нагнал страха на Пию, ее служанку, с холодной учтивостью попросив немедленно собрать вещи ее высочества.

Поцеловав еще раз на прощание веснушчатые щеки матери, Серафина украдкой взглянула на Дариуса. Колеблющийся свет свечей серебрил его черные волосы и придавал смуглой коже теплый янтарный оттенок. Черные глаза смотрели настороженно и пронизательно.

Оставив мать, Серафина подошла к отцу. Величественный Лазар склонился к дочери, горячо обнял ее и улыбнулся ласково и чуть насмешливо.

- Веди себя хорошо. – Король легонько ущипнул дочь за щечку.

Серафина обожала отца.

- Да, папа.

Дариус обратился к ней:

- Вы готовы?

Она кивнула. Сердце ее вдруг екнуло. Принцесса сильнее сжала ридикюль.

Дариус поцеловал королеву в щеку и попросил не тревожиться, затем крепко пожал руку короля.

- Держи нас в курсе дела. Я буду ждать курьеров, – сказал Лазар.

Дариус кивнул и, распахнув дверь, придержал ее перед принцессой. В холл сразу ворвался шум проливного дождя. Серафина выскочила во двор.

Гром и молнии прекратились, но дождь водопадом лил с козырька над дверью. Ночь была теплой.

Принцесса закуталась поплотнее в дорожный жемчужно-серый плащ и осмотрела военный эскорт, сопровождавший ее. Карету окружали тридцать вооруженных всадников, отобранных самим Дариусом.

Родители стояли в дверях, наблюдая, как Дариус сбежал по ступеням к карете и, пригнув голову, чтобы не залило лицо, открыл дверцу для принцессы, заглянул в экипаж, проверил, не затаился ли там кто, затем предложил Серафине руку и помог сесть.

Расположившись на бархатных подушках, принцесса внезапно подумала, что ее и Дариуса можно принять за новобрачных, отправляющихся куда-то провести медовый месяц.

Эта мысль пронзила ей сердце мучительной болью.

Из окошка кареты Серафина послала родителям воздушный поцелуй и как замороженная смотрела на королевскую чету, окутанную почти осязаемым светом взаимной любви.

«Мне никогда не изведать подобного счастья... Не почувствовать такого единения», – подумала она.

Между тем Дариус прошелся вдоль строя кавалеристов, последний раз проверяя, все ли в порядке. Его вороной андалузский жеребец был привязан к карете сзади. Дариус дернул за повод, удостоверился в его прочности, потрепал по холке и вернулся к дверце кареты. Взяв из рук адъютанта пару ружей, он сел в просторный экипаж. Пристроив ружья на полке над своим сиденьем, Дариус сел напротив принцессы и одернул черный сюртук. Захлопнув дверцу, он запер ее на все задвижки. Дариус помахал рукой в окошко королю и королеве, и стукнул в стенку кареты, дав знак кучеру ехать. Кони рванули. Карета понеслась. Кавалькада процокала копытами по плитам выезда из дворца и зашлепала по размокшей от дождя дороге. Бескрайние поля сменились редкими перелесками, но в карете царило молчание. В напряженной тишине были явственно слышны скрип и грохот колес, стук дождя, барабанящего по крыше. Дорога пошла на подъем: их путь лежал в прохладные горные леса Асенсьона.

Хотя Серафина и посматривала в окошко, из-за тьмы и ненастья она ничего не могла разглядеть. Порой девушка всматривалась в темную фигуру мужчины, сидевшего напротив нее. Она чувствовала, что Дариус тоже наблюдает за ней. Невысказанные вопросы висели в воздухе, словно сжимая пространство между ними.

Страх овладел Серафиной: она больше не могла выносить гнетущего молчания, которым Дариус наказывал ее.

– Как ваше плечо? Болит? – кротко спросила она.

Ответом ей был холодный сверкающий взгляд. Принцесса поежилась.

- Не вредничай. Это ведь папа так решил. Я только сказала правду.

Он молчал.

- Дариус, - умоляюще продолжала она, - ты пугаешь меня.

- Вам есть чего пугаться. Господи, неужели вы до сих пор ничего не поняли? Неужели не поняли, что я собой представляю?

- Нет. Так кто же вы?

Он придвинулся к ней. Дорога свернула. Серафина посмотрела в окошко. Они миновали ферму в долине.

Девушка услышала, как Дариус шевельнулся, как заскрипело его сиденье, почувствовала, что он пододвинулся. Дариус положил подушку на ее сиденье. В руке он держал одеяло.

- Ложитесь.

- Я не устала...

- Устали. Сейчас три часа ночи. Вам давно пора спать.

- Вы знаете, когда мне пора спать?

- В половине второго.

- Откуда вам это известно?

- Цыганские чары. Дорогая моя, вы хотели, чтобы все устроилось именно так. Вы своего добились, и теперь вам придется ложиться спать и просыпаться тогда, когда я вам велю, есть и дышать - тоже. На всю следующую неделю вы, ваше высочество, в моей власти, и я не потерплю от вас никаких фокусов. Плачьте,

если вам это не нравится. Посмотрите, что это вам даст. – Дариус укрыл ее одеялом. – А теперь ложитесь, и чтоб ни звука.

Возмущенная, она понимала, что возражения бесполезны.

Внутренне негодуя, Серафина тем не менее решила, что незачем терпеть неудобства. Натянув на себя одеяло, она легла на бок, положила голову на подушку, расстегнула верхнюю пуговицу высокого ворота дорожного платья, скинула башмачки из оленьей кожи.

Дариус подоткнул под нее одеяло.

Серафина видела, как он вернулся на свое сиденье, облокотился о раму окошка и опустил голову на руку. На несколько минут воцарилась тишина.

– Дариус?

Он вздохнул, не поворачивая к ней головы.

– Что, Серафина?

– Я тревожусь за тебя, Дариус.

– Серафина, – в его голосе звучала настороженность, – не делай меня объектом сострадания.

– Я же вижу, что ты несчастен. Неужели я должна делать вид, что ничего не происходит? Не замечать, что ты печален? И это после всего, что ты сделал для меня и моей семьи? Почему мне нельзя беспокоиться о тебе?

– Тебе незачем беспокоиться обо мне, а я не должен беспокоиться о тебе. Вот и все.

Она растерянно смотрела на него:

– Мы не можем быть даже друзьями?

– Друзьями? – презрительно повторил он. – А это значит? Нет, друзьями мы быть не можем.

– О-о, – уязвлено протянула она. – Но почему?

– Почему? – переспросил Дариус, после чего наступило долгое молчание, нарушаемое лишь шумом дождя. Наконец он снова заговорил, тихо и грустно: – Потому это слишком опасно.

– Слишком опасно для великого Сантьяго?

Серафина подняла голову с подушки, но он уклонился от ее взгляда, продолжая всматриваться в ночь.

– Спице, ваше высочество.

Она опять улеглась на подушку, молча наблюдая за ним.

Дариус смотрел в темноту, и его тонкое красивое лицо было бесстрастно. Голубые блики от стекающих по стеклу дождевых капель скользили по лицу, как безмолвные слезы.

Наконец Серафина заснула, и только тогда Дариус посмотрел на нее.

Долго-долго он любовался девушкой, тем, как струятся по подушке и одеялу ее локоны, как свесившаяся с сиденья бледная изящная рука слегка покачивается от движения кареты. Усилием воли Дариус заставил себя отвести глаза, нервным движением взъерошил волосы и тяжело вздохнул.

Он мысленно приготовился к смерти, ощущал спокойную пустоту – состояние нелегкое для человека с сильно развитым инстинктом самосохранения. Дариус хотел лишь одного: сохранить это состояние до тех пор, пока работа не будет завершена. Но разве это возможно, если рядом находится она? Серафина заставляла его чувствовать... слишком остро. Он мечтал о покое, а принцесса погружала его в бурю, как ветер, взвывающий волны в яростный шторм. Пустота его души сменилась мукой, Дариус слишком долго притворялся, будто не замечает принцессу, и теперь страшился, что не сдержит чувств.

Хоть бы этот потный бугай Орсини поскорее выловил шпионов и не заставил его опоздать на встречу в Милане. А пока Дариус не понимал, как вести себя с ее королевским высочеством. Молодой человек и сам не знал, как он к ней сейчас относится. Одно было ясно: им руководило вовсе не чувство долга, не ответственность за Серафину.

Он доверял и в то же время не доверял ей.

Он жаждал ее.

Он ее боялся.

От него не укрылось, что Серафина связывает с ним какие-то планы. Ведь не случайно она выразила столь настойчивое желание, чтобы он поехал с ней. Возможно, Серафина помышляла о последнем загуле перед свадьбой.

Дариус опустил голову. Одна мысль, что Серафина хочет от него чего-то подобного, терзала его... Но, глядя на спящую, как ангел, девушку, он не мог поверить, что она способна на такое.

Когда они наконец прибыли на виллу, Дариус взял принцессу на руки, внес в дом и поднялся по лестнице. Раненое плечо ныло, хотя девушка была легкой как перышко. Он выбрал лучшую спальню и опустил Серафину на кровать.

Она так и не проснулась.

Укрыв принцессу одеялом, Дариус постоял над ней, вглядываясь в прелестное бледное личико, окруженное облаком черных волос, и осторожно коснулся блестящих локонов.

Сердце его сжалось.

«Почему я? Какого черта ты вцепилась в меня, когда все мужчины влюблены в тебя?»

Дариус потряс головой, недоумевая... радуясь и горя. Дариус нагнулся. Поцеловав ее чистый лоб, он бесшумно покинул комнату.

Глава 6

Серафина открыла глаза в бледно-розовой комнате, залитой золотистым солнечным светом.

Она лежала в томной дреме между сном и пробуждением. В этот миг, между прошлым и будущим, Серафина испытывала безотчетное блаженство. Горный летний ветерок веял прохладой в окно и, касаясь ее волос, слегка шевелил их. Купаясь в изумительном сиянии утра, она ощущала глубокий покой и безмятежность.

За дверью раздался голос служанки, и Серафина догадалась, что приехала карета со слугами, которых Дариус счел заслуживающими доверия, привезла багаж и провизию для нее и солдат на все время их пребывания здесь. Дариус!

Она лениво потянулась и, заложив руки за голову, улыбнулась удовлетворенно, как новобрачная после свадебной ночи.

Ей смутно припомнилось, что Дариус внес ее на руках в дом и осторожно опустил на кровать. Серафина так и осталась в дорожном платье.

«Очень жаль, что ему не пришло в голову раздеть меня», – усмехнулась принцесса. С другой стороны, если лучший любовник королевства решит когда-нибудь раздеть ее, она, разумеется, предпочтет в этот момент бодрствовать и насладиться происходящим.

«И не вздумай шутить на эту тему», – одернула себя Серафина и нахмурилась: воспоминание о будущем муже омрачило ее радостное настроение.

Анатоль предупреждал невесту о своих требованиях и правилах, и принцесса не сомневалась, что он будет пристально следить, не проявляет ли она интереса к другому мужчине. Анатоль видел в Серафине кокетку, наслаждающуюся мужским вниманием и лестью.

Анатоль даже заявил принцессе, что ее следовало бы укротить. О, он ничуть не стеснялся, выясняя, нравственна ли она, и чуть ли не сомневаясь в ее целомудрии.

Если бы отец услышал, что говорил Анатоль его дочери, он убил бы наглеца. Брат, принц Рэйф, вызвал бы его на дуэль. А что сделал бы с ним Дариус, Серафина боялась и вообразить.

К счастью, во время этого разговора они были одни – ее компаньонка отстала на несколько шагов. Сдержав рвущийся с губ гневный ответ, Серафина изобразила смирение. Ее страна нуждалась в солдатах князя Туринова, и принцесса повторяла это себе снова и снова. Вытерпеть его дерзость и высокомерие – не слишком большая цена за то, чтобы русские солдаты защитили Асенсьон.

От этих мыслей покоя как не бывало. Она быстро встала с постели. Наверное, виной тому был горный воздух, но Серафина не помнила, чтобы ей когда-нибудь так мирно спалось. Окинув взглядом комнату, она пришла к выводу, что вилла, ставшая ей убежищем, не отличалась особой роскошью. Штукатурка на стенах облупилась, в углу паук сплел паутину, на всем лежал слой пыли. Когда девушка направилась к туалетному столику, половицы громко заскрипели под ее ногами. Принцессе было страшно взглянуть на себя в зеркало: без привычного вечернего расчесывания ее локоны, наверное, походят на воронье гнездо.

Взгляд Серафины упал на ковер, покрывавший пол. На нем была изображена фантазия на тему вечной весны – девушки и юноши, резвящиеся у майского дерева посреди моря цветов.

Расшнуровывая платье, Серафина рассеянно разглядывала эту сельскую идиллию, но тут ее внимание привлек негромкий голос с испанским акцентом.

Подкравшись на цыпочках к окну, она осторожно отогнула край занавески и посмотрела вниз, на Дариуса. «Господи, как же он прекрасен!» – подумала она. Стоя на ступенях перед дверью, Дариус разговаривал со своим адъютантом. Пока Алек записывал его слова, Дариус, щурясь от солнца, критическим взглядом обзирал солдат. В правой руке он держат шпагу, в левой у него была чашка кофе.

Отпив глоток, Дариус поднял шпагу, небрежно вскинул плечом и снова внимательно осмотрел своих подчиненных. Видимо, он искал самого достойного, чтобы попрактиковаться с ним. Принцесса знала, что хоть Дариус мастерски владел шпагой, кинжалом и пистолетом, был знатоком кавалерийского боя и разнообразного восточного оружия с непроизносимыми названиями, но считал основой сноровки ежедневные тренировки.

Впрочем, Серафина, взяв на себя обязанности его целительницы, не собиралась допускать Дариуса к воинским занятиям по крайней мере три дня, то есть пока рана не начнет рубцеваться.

Отойдя от окна, принцесса умылась и переоделась. Она торопилась к нему.

Расположенная в двадцати милях от королевского дворца и столицы королевства, города Белфорта, вилла д'Эсте была построена в стиле барокко. Поместье в пятьсот акров, окруженное для безопасности крепостными стенами, было вполне надежным. При нем имелась казарма, где размещался гарнизон, небольшой оружейный склад и конюшня на пятьдесят лошадей. Курятник, загон для коз и овец, а также пруд, полный рыбы, предназначались для обеспечения кухни.

Уложив спящую принцессу в постель, Дариус провел ночь под дождем. Он занимался делами, необходимыми для превращения загороднойвиллы в небольшую вооруженную крепость. Дариус позаботился о том, чтобы лошадей отвели в конюшню, а бочки с порохом и другие боеприпасы убрали на склад. После этого он распределил людей на посты по четырем сторонам поместья и отдал другие распоряжения.

Ночью прибыл еще один из двух фургонов с провизией для солдат. Второй, как ему доложили, застрял в грязи на дороге. Дариус послал небольшой отряд, велел вытащить его, а когда тот прибыл, выяснилось, что в нем находилась, как он и приказал, четверка свирепых сторожевых псов. Их дикий лай вызвал у него головную боль, впрочем, возможно, это было еще и следствием голода. Дариуса удивило, что весь этот шум не разбудил Серафину.

Наконец он тщательно осмотрел крепостную стену: прошелся по всему периметру, желая убедиться в ее прочности и охранности. Дождь к тому

времени прекратился, и когда в утреннем тумане вошло солнце, запущенная вилла имела вид укрепленной крепости.

Дариус очень устал, но ему еще предстояло превратить маленькую библиотеку виллы в свой штаб. Он хотел изучить карты прилегающей местности, просмотреть последнюю корреспонденцию, подвести балансы своей торгово-судоходной компании и ответить на запросы бесполезных предприятий, унаследованных им в Испании.

Плечо мучительно ныло. Он изнемогал от голода, но завтрак был еще не готов, так что Дариус стоял на крыльце и курил сигару, с удовлетворением отмечая, что создал порядок, при котором каждый человек делал именно то, что ему следовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Моя красавица (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Нет, нет, дорогая (фр.).

Купити: https://telnovel.com/fouli_gelen/doch-pirata

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)